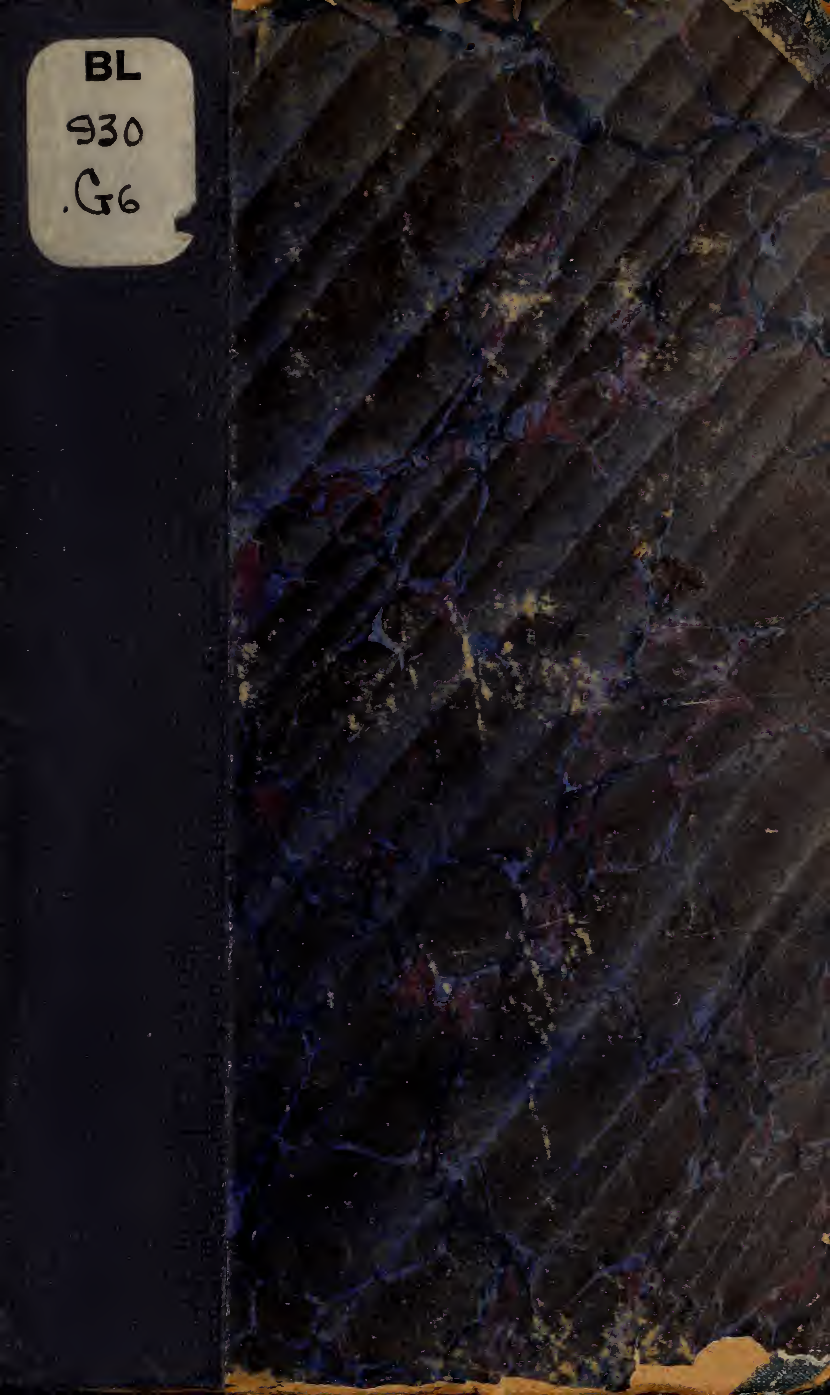
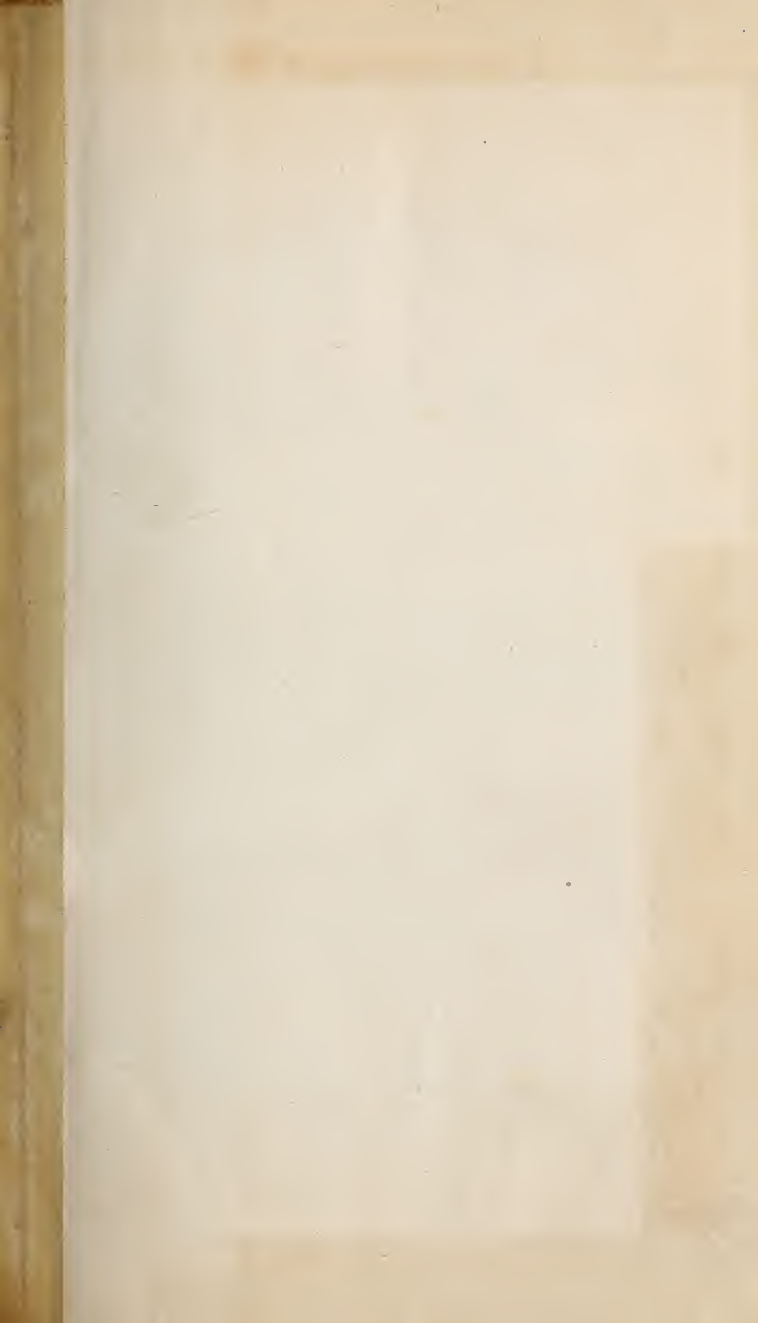

BL
930
.G6

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

ДРЕВНЯЯ

РЕЛИГІЯ

СЛАВЯНЪ.

Сочиненіе Григорія Глинки,

Профессора Дерптскаго Университета.

Митава, 1804.

Въ Типографіи у І. Ф. Штефенгагена и Сына.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕАВГУСТѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

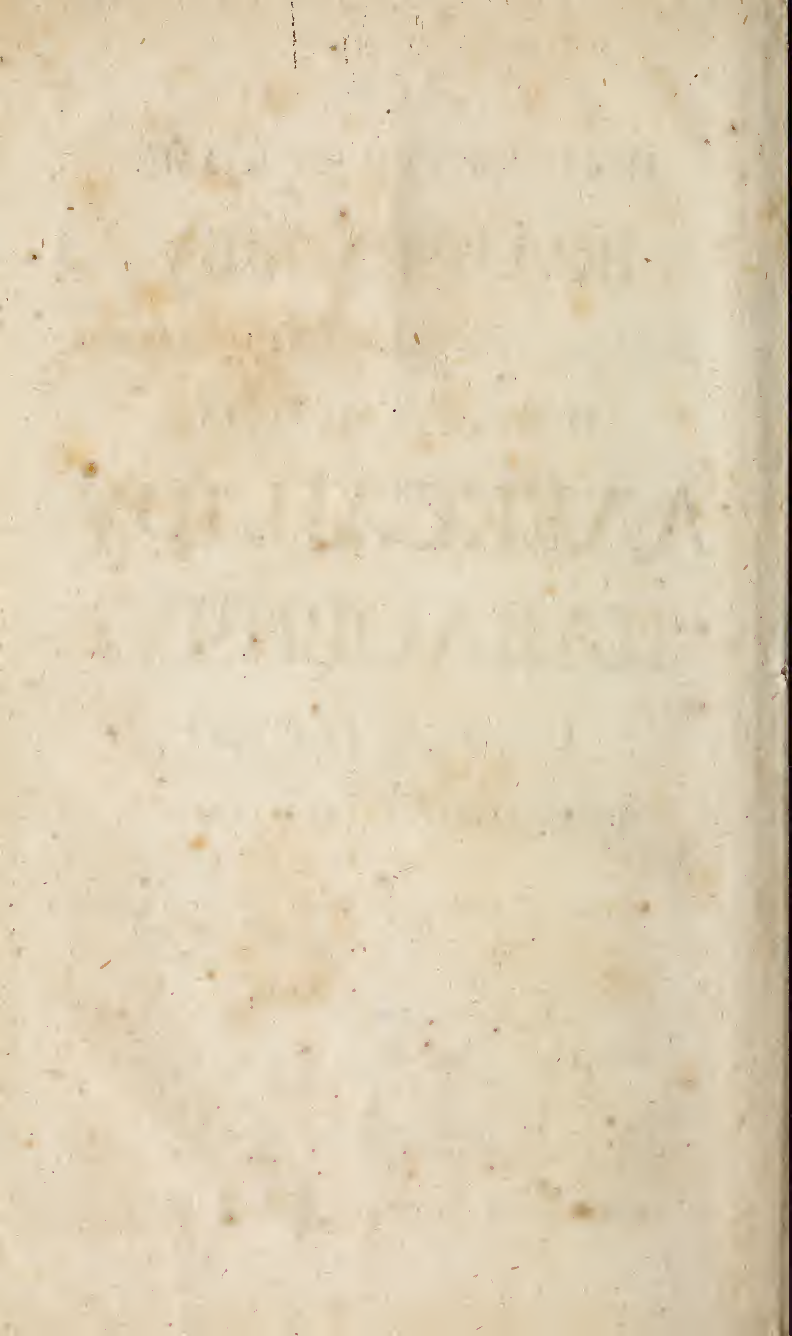
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ

ВСЕРОССІЙСКОМУ,

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

Авторъ.

Введеніе.

Не столько недостатокъ въ запискахъ, относящихся до древняго Славянскаго баснословія, сколько нестараніе о развитіи находящихся о семъ предметѣ сухихъ сказаній, тому причиною, что мы не имѣемъ до сего времени систематическаго описанія сихъ боговъ. Бывшіе вскорѣ по просвѣщеніи Христіанствомъ Славянскихъ племенъ писатели имѣли причину мало упоминать или и совсѣмъ умалчивать о идолослуженіи, тогда

еще не вовсе изтребившемся, и может быть многими уважаемом как вѣру их отцев. Но нам баснословное вѣроученіе розыскивать, развивать, и сколько то можно полнѣе представить нѣт опасности: ибо сіе повѣствованіе для нас не иное что как пища любопытства; и естьли что либо сего важнѣйшее из онаго можем почерпнуть, то из созданія человѣком себѣ богов, естественно по своему образу, то есть, по своему народному свойству, нравам, образу жизни, степени просвѣщенія, и даже дѣятельности фантазіи, сея первой произвестительницы всѣх во всяком родѣ вымыслов, лучше можем узнать умное и нравственное обличіе наших родоначальников. Изображенія, дѣла, самыя даже названія богов извѣстнаго народа, суть сколок свойств онаго. У Индѣйцов, народа кроткаго,

боги кротки и добры; злые же лишены власти, по крайней мѣрѣ не иначе распространяютъ ее, какъ украдкою отъ надзирающихъ надъ ними добрыхъ боговъ. Щастливое Ахайское небосклоненїе, веселость нравовъ жителей, живое воображенїе, лицеобразовало *) боговъ и съ ними соединенныя ихъ дѣянїя, забавными, прїятнымы, а можно думать, и во времена идолопоклонства Грековъ, за прїятныя и часто полезныя сказки почитаемыми. Варварство, царствовавшее въ Тавридѣ, вознесло на степень богини Дїану, (можетъ быть такъ названное Греками божество, и

*) Я не безизвѣстенъ, что Греческїе боги начально суть Финикїйскїе, введенные въ Грецїю торговыми сего народа переселенцами; но баснословная Греческой вѣры система совсѣмъ на свой вкусъ передѣлана, какъ то и съ Исторїями взятыми отъ другихъ народовъ они поступали.

иначе тамъ именовавшееся) требующую крови странниковъ. — Разнообразно для каждой на земномъ шарѣ страны отверзстыя естественныя небеса, различныя воздушныя явленія, раствореніе воздуха, отъ него происходящее плодоносіе земли, какъ въ количествѣ такъ и въ качествѣ произведеній, самый землелогъ тѣхъ странъ, присовокупленные къ свойству народа, способствовали къ соображенію сихъ мечтательныхъ существъ. Почему разсматривая разсудительнымь образомъ баснобожіе древнихъ Славянъ, уповательно, что откроемъ нѣсколько завѣсы древности, скрывающей отъ насъ свойство ихъ умоначертаній объ окружавшихъ ихъ вещахъ, дальность познаній, нравы, и хотя нѣсколько, самый образъ ихъ мыслей.

Описывая произведеніе фантазіи или мечтательности, я думаю, что не

погрѣшу, естьли при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведенїяхъ, буду наполнять собственною подъ древнюю стать фантазїею. Правда, стершїяся или слинялыя мѣста въ древнихъ картинахъ, подправленныя новыми красками, хотя и на старинную стать, уменьшаютъ цѣну картинъ; но лучше ли ничто, нежели что либо? И не лучше ли Фидїасова Венера съ поддѣланными во вкусѣ сего знаменитаго древняго мастера руками и ногами, нежели когдабъ осталось одно только ея туловище, и то можетъ быть мѣстами еще выбитое? — — Извѣстно, что изправки или коррекцїи древнихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей ихъ учинили лучшими; но всѣ ли изправки здѣланы въ попадъ на Авторово слово или мысль? и можетъ быть иные не здѣлали ли подъ видомъ изправокъ ру-

кописи, изправленнымъ самаго автора въ словахъ и мысляхъ, за что бы онъ и самъ въ состоянiи нашелся поблагодарить. — Я переселяюся въ пространныя разнообразныя области фантазiи древнихъ Славянъ; бродя по нимъ, стану собирать всецѣлыя мечтательныя идеи и малыя ихъ частицы, и сiи послѣднiя сообразуясь ихъ устроенiю, дополнять матерiалами сего же царства и по законамъ воображенiя или мечтанiя.

Хотя же произхожденiе боговъ или ѳеогонiя Славянская для насъ не сохранилась; чему въ свое время конечно быть надлежало; однакоже изъ свойствъ боговъ, или лучше, естественныхъ вещей, ихъ дѣянiй и явленiй можемъ заключить и о мечтаемомъ оныхъ произхожденiи. *Едда* нѣсколько ясно повѣствуетъ о чинѣ, порядкѣ и произхожденiи Цельтiйскихъ боговъ;

изъ Греческой ѳеогоніи родословная оныхъ для всякаго свѣдомѣе, нежели Нѣмецкому молодому барону его собственная. Славяне жили въ сосѣдствѣ съ тѣми и другими, и станется, въ своихъ мечтаніяхъ подражали и тѣмъ и другимъ, а можетъ быть и подлинниками въ иномъ обоимъ были. И такъ я слѣдуя какъ Греческимъ раздѣлителямъ боговъ, такъ особенно вникая собственно въ Славянское баснобожіе, и почти изгладившихся касательно сего чертъ доискиваясь, раздѣлю изъ самаго свойства сихъ боговъ на выспреннихъ, преисподнихъ, земныхъ и водныхъ.

I. И такъ въ число превыспреннихъ боговъ поставляю обоженныя существа внѣ земли находящіяся, а на оную только показывающія свои дѣйствія, ощутительныя человѣку. И таковые боги будутъ:

Перунъ, движенїе эфира, громъ.

Златая Баба, тишина, покой.

Свѣтовидъ, солнце, жизненная теплота.

Зничь, начальный огонь, эѳиръ.

Бѣлбогъ, благо и доброе начало.

Сильный богъ, крѣпкїй богъ.

Дажбогъ, благополучїе.

Животъ, сохраненїе жизни.

Ледъ, война.

Коляда, миръ.

Усладъ, удовольствїе.

Лада, красота.

Дѣти ея:

Леля, любовь.

Полеля, бракъ.

Дидъ, супружество.

Дидилїя, дѣторожденїе.

Мерцана, заря, богиня жатвы.

II. Земные тѣ, коихъ свойства отвлечены отъ земныхъ полезныхъ произведенїй, для жизненныхъ чело-

вѣка потребъ, или токмо къ удовольствіямъ оныя служащихъ, и которыхъ они кажется были покровителями.

Тригла, земля.

Волосъ, *Могошъ*, боги покровительствующіе скотъ.

Кулало, земные плоды.

Родомыслъ, податель благихъ совѣтовъ.

Сѣва, богиня плодовъ.

Зевана, богиня звѣроловства.

Чуръ, богъ межей.

Проне, или *Прове*, богъ прорѣканія.

Родегастъ, богъ страннопріимства и городовъ.

Корсъ, богъ пьянства.

Ясса.

Позвиздъ, богъ бурь и вѣтровъ.

Догода, зефиръ.

Зимцерла или *Зимстерла*, весна.

Зимерзла, зима.

III. Преизподніе боги, кои изображаютъ собою мѣсть и казнь послѣдующую за беззаконіемъ и порокомъ:

Ній, владычествующій надъ преизподними странами.

Чернобогъ, богъ отмщенія.

Стрибогъ, изтребитель.

Яга баба.

Кикимора, богъ сна.

IV. Водные, коихъ власть простирается надъ водами; оные суть:

Царь Морской.

Чудо Морское.

Русалки.

Водовики, водяные черти.

Духи:

Лѣшіе.

Домовые.

Стѣни.

Лизуны.

Куды.

Черти.

Бѣсы.

Полубоги или богатыри:

Полканы.

Волоты.

Славянъ.

Волхвъ.

Волховецъ.

Рудотокъ.

Озера обоженныя:

Ильмеръ.

Студенецъ.

Рѣки:

Бугъ.

Донъ.

Впрочемъ къ чистотѣ разсудка Славянскаго народа можетъ отнестись то, что ихъ вѣра, изъ многихъ

языческихъ, (не говорю всѣхъ) есть чистѣйшая. Ибо ихъ боги суть естественныя дѣйствія, благотвореніемъ своимъ имѣющія на человѣка вліяніе, и служащія къ страху и казни беззаконія, равномѣрно какъ природныя свойства и совершенства обоженныя.

Сіе проникнувъ творецъ Владимиріяды, такъ говоритъ въ оной:

Въ чемъ Сѣверъ признавалъ священны божества;
То были дѣйствія и свойства, Естества;
Людскія слабости, сердецъ слѣпыя страсти.

И еще можно бы къ сему было прибавить добрыя и благотворныя дѣянія.

Во всемъ ихъ баснобожіи, нѣтъ ни одного бога, котораго бы можно было счесть обоженнымъ человѣкомъ, какъ то мы находимъ у Грековъ, (я не го-

ворю о Римлянахъ, все отъ сихъ занявшихъ), и образцовъ ихъ Финикіанъ, Египтянъ и Ассиріянъ. А сіе должно приписать естественному свѣту ихъ ума, что смертные не могутъ быть безсмертны. Положеніе простое, но, мнится, худо выразумленное народами хвалящимися своимъ просвѣщеніемъ, и нашими во многомъ учителями. — Впрочемъ, кажется, не неизвѣстно было Всевышнее Существо Славянамъ, Существо всемогущее, всесотворшее, и словомъ, Богъ боговъ —— и Оному-то собственное наименованіе было, *Богъ*. Прочіе же боги были ему какъ бы подчиненные, или больше, лицеобразованныя свойства природы. Богъ, яко податель свѣта, теплоты, плодородія земли и оживитель природы, названъ *Свѣтовидомъ;* а отвлеченно оный же будетъ богъ просвѣщенія и свѣта ума. Богъ

причиняющій громъ, молнію, нарѣченъ *Перуномъ;* онъ же въ отвлеченности, есть богъ устрашающій яростію эѳирно-огненныхъ ударовъ, беззаконниковъ. *Бѣлъ-богъ*, или добрый богъ, есть податель всякихъ благъ. *Крѣпкій-богъ*, одно изъ свойствъ Вышняго, божество подлинно нравственное. Но все сіе изъ описанія въ особенности каждаго бога будетъ видно съ очевидною ясностію. Упомяну только нѣчто о богинѣ *Ладѣ*, и ея дѣтяхъ. Ничего нѣтъ, кажется, остроумнѣе, какъ чтобы красота, Лада была матеріею четырехъ чадъ своихъ; число ихъ полно; прибавить нечего, но убавленіе несовершенство. У красоты, Лады, первый сынъ *Леля*, то есть любовь: за Лелею слѣдуетъ вторый, *Полеля*, или бракъ; что нравственнѣе, какъ любви быть оканчиваемой бракомъ; но сего еще не довольно; слѣдуетъ сынъ, богъ

супружней жизни, и оный есть *Дидо*, коего супруга *Дидилія*, богиня дѣторожденія, покровительствуетъ сію нескверную жизнь. Нѣтъ ничего прекраснѣе сего семейства; потому что нѣтъ ничего вообще одобреннѣе, и оно есть самая истинна, въ разныхъ лицахъ представленная. — Вотъ картина, показывающая что Славянское баснобожіе было разсудительное, боги же ихъ изъ отвлеченныхъ понятій были лицеобразованы, и притомъ часто остроумно, и всегда вѣрно. Есть-ли отнимемъ мы баснословныя названія, то нынѣ и мы не иначе мыслимъ какъ и предки наши; кажется даже что сей способъ мыслить всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ общій. Красота, любовь, бракъ, замужество, дѣторожденіе суть у всѣхъ человѣковъ понятія и дѣйствія сцѣпляющіяся. Солнце благотворитъ земной природѣ;

громѣ наводитѣ страхѣ; златая Природа, общая людей мать; благость, крѣпость, подаяніе благѣ, живоподательство, свыше произтекающія, суть идеи древнихѣ, на коихѣ они создали храмѣ своего многобожія.

БОГИ ВЫСПРЕННІЕ.

П е р у н ъ.

Грозное Славянское божество. Онъ почитался произвестителемъ всѣхъ воздушныхъ явленій. Рука его управляла громомъ и молніями. Кажется, что Славянскому Перуну столько же прилично, какъ и Гомерову Зевсу, приложеніе *логонятеля облаковъ*. Сіе божество особенно было почитаемо въ Кіевѣ и Новѣгородѣ. Въ первомъ, храмъ его сооруженъ былъ на холмѣ надъ

Боричевымъ потокомъ. Г. Херасковъ въ Владимиріадѣ такъ описываетъ сей храмъ:

Сей храмъ, ужасный храмъ, надъ Боричевымъ токомъ
Стоялъ сооруженъ на холмѣ превысокомъ;
Куреній возходилъ передъ кумиромъ дымъ;
Запекшаяся кровь видна была предъ нимъ.

И онъ же и въ другомъ мѣстѣ:

Созижденъ высоко Перуновъ гордый храмъ;
Онъ тѣни разпростеръ далеко по горамъ.
Предъ нимъ всегда горитъ неугасимый пламень;
При входѣ утвержденъ краеугольный камень,
И камень гибели народомъ нарѣченъ;
Онъ черной кровію казался omoченъ;

На немъ несчастная та жертва трепетала,
Свирѣпости жрецовъ которая питала;
Тамъ смертоносныя оружїя висятъ;
Сосуды кровїю наполненны стоятъ.

Владимиръ по принятїи надъ Россїей самодержавїя, въ честь сему божеству соорудилъ многїе храмы. Стоявшїй же надъ Боричевскимъ потокомъ, можетъ быть имъ только возобновленъ и украшенъ, будучи построенъ еще изъ самыхъ древнихъ временъ. Самое наименованїе сего ручья не произошло ли отъ отеческаго имени Перуна? — Первоселенцы Кїевскїе будучи Сарматскаго произхожденїя, и пришедши туда, вѣроятно, отъ Скандинавскаго полуострова, принесли съ собою Цельтїйскихъ боговъ. Боричемъ можетъ быть назывался Перунъ, какъ и Одинъ, сынъ Бора, отъ чего и холмъ и потокъ или ручей

названы Боричевыми; ибо *Боръ* былъ отецъ боговъ, или лучше отецъ Одина, владыки Скандинавскихъ боговъ. Самые Цельтійскіе жрецы утверждали, что они произходятъ отъ сего Бора.

Перунъ, въ настоящемъ значеніи сего слова, берется за громовую стрѣлу, или естественнѣе, за молнію, за электрическую струю, или за громовую искру. Но вѣроятнѣе кажется, нарицательное слово получило начало свое отъ собственнаго наименованія бога грома. *Перунъ* кажется произходитъ отъ слова *Торымъ* или *Торумъ*, которое на Сарматскомъ языкѣ значитъ всевышнее существо, богъ. Истуканъ сего божества былъ здѣланъ не изъ одного вещества. Станъ былъ вырѣзанъ изъ дерева; голова вылита изъ серебра; а уши и усы изваянны изъ золота; ноги же выкованы изъ желѣза; въ рукѣ

держалъ нѣчто похожее на молнію, которую представляли вмѣстѣ составленные рубины и карбункулы. Предъ нимъ горѣлъ неугасимый пламень, за небреженіе коего жрецъ наказывался смертію, состоящею въ сожженіи его какъ врага божества сего.

Въ Владиміріадѣ онъ описанъ нѣсколько отличнѣе отъ сего; однакожъ совершенно соотвѣтственно столь высокочтимому божеству.

Сей мрачный храмъ вмѣщалъ ужаснаго кумира,
На немъ златый венецъ, багровая порфира;
Извитые въ рукѣ перуны онъ держалъ,
Которыми разить во гнѣвѣ угрожалъ.
Златые на челѣ имѣлъ велики роги,
Серебряную грудь имѣлъ, желѣзны ноги;
Горѣлъ рубинами его высокой тронъ;
И богомъ всѣхъ боговъ именовался онъ.

Изъ сего описанія явствуетъ, что онъ былъ ужасное громомещущее божество: а потому въ смыслѣ нравственномъ беззаконныхъ казнитель и изтребитель. Онъ также почитался владыкою между богами, и крѣпкимъ; словомъ, произвестителемъ всего ужаснаго въ природѣ для человѣка.

Пространный шаръ земный лица его трепещетъ,
Разитъ перунами, онъ молніями блещетъ;
Убійство на челѣ, смерть носитъ на очахъ;
Его вѣнецъ зміи, его одежда страхъ.

Владим.

А потому и жертвы были сообразны съ воображаемыми свойствами царя-боговъ. Въ честь ему закалали не токмо скотовъ, но и плѣнниковъ; а

неистовое суесвятство обагряло руки даже въ крови собственныхъ своихъ дѣтей. Суевѣріе же, по глупости почитаемою существенною частію самого себя ему жертвовало, т. е. бородою и головными волосами, обривая ихъ.

Изъ посвященныхъ ему вещей, были цѣлые лѣса и рощи, изъ коихъ взятіе всякаго сучка почиталось достойнымъ смерти святотатствомъ.

Изключая многихъ странъ и городовъ, въ коихъ были сему богу посвящены божницы, великолѣпнѣйшая была въ Кіевѣ надъ Боричевымъ потокомъ, Княземъ Владимиромъ воздвигнутая, или лучше, украшенная. Другая не меньше великолѣпная была въ Новѣгородѣ, которая сооружена дядею его Добрынею, пожалованнымъ имъ въ Новгородъ Посадникомъ или Намѣстникомъ. Обѣ онѣ получили свой ко-

нецЪ по просвѣщеніи Россіи Христіанствомъ, равно какЪ и кумиры Перуновы, и свержены Кіевской вЪ ДнепрЪ, а Новогородской вЪ ВолховЪ.

Здѣсь приложу я кстати отрывокЪ древняго или на древнюю стать сочиненнаго Гимна:

Боги велики; но страшенЪ ПерунЪ;
УжасЪ наводитЪ тяжела стопа,
КакЪ онЪ вЪ предшествіи молній своихЪ
МракомЪ одеянЪ, вихрьми повитЪ,
Грозныя тучи ведетЪ за собой.
СтупитЪ на облакЪ — огни изЪ подЪ пятЪ;
Ризой махнетЪ — побагровѣетЪ твердь;
ВзглянетЪ на землю — встрепещетЪ земля;
ВзглянетЪ на море — котломЪ закипитЪ.
Клонятся горы былинкой предЪ нимЪ.
Страшне! свой гнѣвЪ ты отЪ насЪ отврати!
БросивЪ горсть граду во тысячу мѣрЪ;
Только ступилЪ, ужЪ за тысячу верстЪ;

Лишь отъ пяты его облакъ зардѣлъ;
Тяжка стопа гулъ глухой издала,
Кой горы, море и землю потрясъ,
И лищь сверкнуло возкраїе ризъ. —

Златая Мать.

Какъ Перунъ былъ богъ гнѣвной, такъ противно оному Златая Мать, или иначе, Баба была богинею тишины и покоя. Истуканъ ея былъ здѣланъ изъ золота въ видѣ женщины; а отъ сего и наименованїе свое получила, равномѣрно какъ и отъ свойства приписываемаго ей. На рукахъ она держала младенца, которой почитался ея внукомъ, и отъ коего названа Бабою, т. е. Бабушкою. Сей внукъ былъ Свѣтовидъ. Во кругъ истукана находилось великое

множество музыкальныхъ орудій, на коихъ во время ея празднества были ей воспѣваемы хвалы. Храмъ же ея славнѣйшій былъ сооруженъ при рѣкѣ Обиго или Обегѣ. Здѣсь она давала отвѣты; а потому храмъ сей почитался прорицалищнымъ, и былъ въ великой славѣ. Она столь была свято чтима, что мимо ея истукана никто не смѣлъ пройти, не принесши чего либо на жертву, и естьли ничего не имѣлъ, то по малой мѣрѣ клочокъ отъ своего платья съ земнымъ поклоненіемъ подносилъ. Сія богиня кажется была тоже, что Цельтійская Фригга или Фрея, которой одной приписывается пророчество: „Единая Фригга вѣстъ „будущая, но никому сего не открываетъ," слова Одина, приведенныя въ Еддѣ.

Свѣтовидъ.

Божество бывшее у Славянъ въ великомъ почитаніи. Онъ имѣлъ на Сѣверѣ два славные храма: одинъ на островѣ Ругенѣ въ городѣ Ахронѣ *), а другой въ Холмоградѣ, которой полагается на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ село Бронницы, на находящемся близъ онаго холмѣ, на коемъ теперь построена церковъ С. Николая.

Истуканъ его былъ здѣланъ изъ дерева величины огромной. Онъ имѣлъ четыре лица, на каждую страну свѣта по одному. Бороды не имѣлъ; кудри у него были завитыя; одежда на немъ была короткая. Въ лѣвой у него рукѣ былъ лукъ, а въ правой рогъ выкованной изъ металла. При бедрѣ имѣлъ

*) Явственно что Ругенъ; Ружный былъ прежде названъ; а городъ Ахронъ, Ухронъ произошелъ отъ слова хранить.

превеликой въ серебряныхъ ножнахъ мечь; въ сторонѣ висѣли сѣдло и узда коня его, такъ же непомѣрной величины. Сей истуканъ стоялъ по среди храма, завѣшенный великолѣпными краснаго цвѣта занавѣсками. Онъ давалъ отвѣты чрезъ уста жреца однажды въ годъ. Въ то время сей главный жрецъ входилъ въ святилище сего бога, удерживая свое дыханїе, и при надобности въономъ или выходилъ вонъ, или выставлялъ только изъ святилища голову. Сей единогодный праздникъ отправлялся съ продолжительными торжественными обрядами. Оный начинался по окончанїи жатвы, что будетъ въ мѣсяцѣ *Серпенѣ* или Августѣ. И тогда народъ собираяся передъ капище, пригонялъ множество скота, какъ въ жертву своему богу, такъ и для празднованїя сего знаменитаго ихъ праздника. За сутки

до торжественнаго дня самъ начальствующій жрецъ выметалъ храмъ сего бога. На слѣдующій день жрецъ бралъ изъ руки Свѣтовидовой рогъ за годъ наполненный виномъ, предсказывалъ о плодородіи слѣдующаго потому, сколько въ немъ убыло; ибо вѣрили, что естьли много изъ рога убыло, то годъ будетъ безплоденъ; естьли же мало, то ему надлежало быть плодородну. И сіе вино вывивши предъ стопами Свѣтовида, наполнялъ рогъ сей новымъ, и выпивалъ въ честь онаго, моля, чтобы даровалъ во всемъ изобиліе, богатство и побѣду на враговъ. Потомъ наполнивъ сей священный рогъ новымъ виномъ, влагалъ въ его руку, моляся купно совсѣмъ народомъ; послѣ чего приносимы ему были многочисленныя жертвы отъ воловъ и овецъ. По совершеніи сихъ жертвъ, вносили огромной величины круглой пирогъ,

здѣланной изъ пряничнаго тѣста, въ коемъ могъ помѣститься человѣкъ. Въ сей пирогъ служитель Свѣтовидовъ вошедши спрашивалъ народъ, видятъ ли его? — люди отвѣтствовали что нѣтъ — тогда обратясь къ Свѣтовиду, молилъ его, чтобы на предбудущій годъ хотя нѣсколько его увидѣли. Здѣсь, кажется, жрецъ спрятавшись въ пирогъ, представлялъ солнце въ удаленіи отъ нашего полушарія, или зимнее время; и потомъ молилъ Свѣтовида о его возвращеніи. Поелику не только имя, но и всѣ признаки являютъ, что сей богъ былъ изображеніе свѣтила одушевляющаго нашъ міръ. Четыре лица, есть четыре годины, или времена года. Стрѣлы и лукъ, какъ у Греческаго Феба-Апполона, значили лучи солнца. Бѣлый конь, ему посвященный, знаменовалъ видимое движеніе сего благотворнаго свѣтила:

рогъ въ рукѣ, обиліе повсюду произтекающее отъ его священной теплоты; мечь же означалъ его какъ бога защитника и покровителя Славянъ.

Послѣ сего обряда съ великимъ благоговѣніемъ приносили въ жертву множество скота: и тогда жрецъ здѣлавъ народу пространное поученіе, поощрялъ оный къ прилѣжному почитанію и жертвованію сему богу: а за сіе обѣщалъ имъ земное плодоносіе, здравіе, побѣду на враговъ на сушѣ и морѣ. Иногда же сему идолу приносили въ жертву плѣнныхъ своихъ непріятелей, какъ богу зящитнику своему на браняхъ; сей безчеловѣчной обрядъ отправлялся такимъ образомъ: невольника (по всему видно, что изъ ратныхъ людей) одевали въ панцырь или во всеоружіе; сажали на осѣдланнаго коня, коего ноги привязывали къ четыремъ сваямъ, равно и нещастна-

го *) къ лошади, и подложа подъ оную дровъ, сожигали ихъ обѣихъ. Жрецы увѣряли народъ, что таковая жертва пріятна Свѣтовиду. Кажется, что симъ хотѣли они возбудить въ народѣ вящшую жестокость къ врагамъ своимъ, въ коей надеялись пользоваться побѣдами его надъ ними, приносившими жрецамъ не малую прибыль; ибо отъ всякой военной добычи Свѣтовиду на вѣрно приносилась не больше какъ третія часть. Что самое кажется быть весьма естественно, сообра-

*) Лѣтописцы пишутъ, что приносили на жертву плѣнныхъ Христіанъ; но здѣсь важнѣйшее слово плѣнныхъ; ибо Славяне никогда не помышляли быть врагами какой либо религіи; но не разбирая вѣры, съ врагами поступали иногда жестокосердо. А какъ у нихъ болѣе всего бывали войны съ Греками, кои были Христіане, и подпавши плѣну иные претерпѣвали отъ нихъ сіе благочестивое варварство; по лѣтописцамъ и возмечталось, что они жгутъ Христіанъ, когда сіи сожигали только своихъ враговъ и притомъ ратныхъ.

жаясь токмо съ тогдашними обстоятельствами, гдѣ идолопоклонническіе священники одни имѣли свободный доступъ въ таинственное святилище Наукъ, грубое же невѣжество было общею долею простонародія; а по сему вліяніе первыхъ на сихъ послѣднихъ долженствовало быть всемогущественно, и которое не допускало ихъ проникнуть корыстолюбивые жрецовъ виды. По окончаніи всѣхъ обрядовъ богослуженія и жертвоприношенія, народъ начиналъ ѣсть, пить и веселиться. Сей праздникъ такъ усердно праздновали, что тотъ конечно бы вытерпѣлъ осмѣяніе и даже ругательство, ктобы не до пьяна напился.

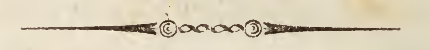
Свѣтовиду посвященъ былъ бѣлой конь, на коего никто кромѣ перваго жреца не могъ сѣсть. У сего коня, даже до волоса, все было священно, и

подъ опасностію потерянія жизни не позволялось ни изъ хвоста ни изъ гривы ни одного выдернуть. Увѣряли, что Свѣтовидъ ѣздилъ на ономъ побѣждать ихъ непріятелей. А сіе подтверждали тѣмъ, что когда подъ вечеръ коня оставляли вычищеннаго, по утру находили его запотѣлаго и загрязненнаго; изъ чего заключали, что Свѣтовидъ ѣздилъ на немъ для пораженія ихъ сопостатовъ. Смотря же потому, больше или меньше была умучена лошадь Свѣтовидова, таковому и успѣху брани быть думали. Сей конь такъ же служилъ прорицателемъ, начинать ли или неначинать, равно ли хорошо или нещастливо будетъ продолженіе войны. Для гаданія ставили предъ храмомъ шесть коней по два въ рядъ и въ извѣстномъ разстояніи. Къ каждымъ двумъ привязывали по копью поперегъ такъ вы-

соко, какъ только лошадь можетъ перешагнуть. Прежде нежели лошадь начинали вести между копій, жрецъ съ извѣстными обрядами молился Свѣтовиду, читая многія нарочно для сего сочиненныя молитвы. Потомъ съ благоговѣйными обрядами бралъ коня за узду и велъ черезъ три поперечныя копья. Естьли лошадь шагала напередъ чрезъ нихъ правою ногою и притомъ чрезъ всѣ три незапутавшись, то обѣщали себѣ окончаніе войны самое благополучное. Въ противномъ же случаѣ трепетали о всякомъ нещастіи; а смотря по сему отлагали и самую войну.

Храмъ Свѣтовидовъ былъ весьма богатъ; ибо сверхъ разныхъ вкладовъ, получалъ онъ изъ военныхъ добычь третію часть, и триста всадниковъ сражаясь собственно отъ Свѣтовида, полученную добычу всю ему прино-

сили. Ругенскаго Свѣтовидова храма и истукана его участь была та, что Вальдемаръ, Король Датской, въ 350 году по Р. Х. взявши островъ Ругенъ и городъ Ахронъ, капище раззорилъ и ограбилъ, а истуканъ ободравши, приказалъ разсѣчь и сожечь. Что касается до Холмоградскаго Свѣтовидова храма, то оный одну участь имѣлъ съ прочими идольскими капищами, будучи разрушенъ по возпріятіи Россіею святаго крѣщенія.

Зничь.

Подъ симъ божествомъ Славяне разумѣли начальный огонь, или животворящую теплоту, способствующую къ произведенію и сохраненію всѣхъ

существъ. Славяне о семъ начальномъ и жизнедательномъ огнѣ были такихъ же мыслей, какъ Парсы или Гебры о своемъ священномъ огнѣ, полагая его оживотворителемъ всѣхъ живыхъ существъ. И въ самомъ дѣлѣ:

Въ адамантѣ онъ блистаетъ,
Въ яхонтѣ же онъ заритъ;
Онъ въ холодномъ льдѣ пылаетъ;
Въ темномъ облакѣ гремитъ.
Гордыя главы Сибирскихъ
Взноситъ кедровъ къ облакамъ;
Въ травкахъ обитаетъ низкихъ;
Красоту даетъ цвѣтамъ.
Крѣпость, бодрость въ льва влагаетъ;
Въ тигра же стремленье, жаръ.
Все родитъ, раститъ, питаетъ,
И всему собой самъ даръ.
Онъ душа природы всей;
Онъ начало всѣхъ вещей.

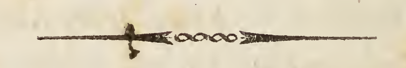
Славяне повсюду его видѣли; удивлялись ему; но не будучи Эйлерами, не могли изтолковать и объяснить

его: могла ли имъ по ихъ простотѣ и малому просвѣщенію взойти такая тонкая мысль, что этотъ начальной огонь, начальная теплота, есть даже причина самаго огня, самой теплоты; это эѳиръ? то тонкое вещество, по всей природѣ разлїянное, образующее адамантъ и въ немъ находящееся; дающее цвѣтъ розѣ, ростъ кедру; блистающее въ самомъ льдѣ, и коего слабое въ вещи сотрясенїе производитъ теплоту, а сильное жаръ или растопляющїй оную, или пламенемъ ея пожирающїй? — Они подобно другимъ живущимъ въ простотѣ народамъ здѣлали изъ сего непонятнаго для нихъ существа себѣ божество, наименовавъ его Зничемъ.

Теперь станемъ говорить о семъ начальномъ огнѣ какъ о божествѣ Славянскомъ. Зничь не имѣлъ ни какого изображенїя; но токмо былъ неугаси-

мо горящїй огонь, на подобїе Вестина огня въ Римѣ. Храмы, въ коихъ содержался сей священный огонь, находилися во многихъ городахъ. Сей неугасимой огонь получалъ себѣ жертвы, которыя точно какъ и Свѣтовидовы, состояли изъ части корыстей отъ непрїятеля полученныхъ. Ему жертвовали такъ же и плѣнными. А изъ сего заключить можно, что дѣйствїю Знича приписывали военной жаръ и храбрость. Къ оному такъ же прибѣгали находившїеся въ тяжкихъ болѣзняхъ, желая получить облегченїе. Служители Знича, показывая себя воодушевленными или вдохновенными симъ божествомъ, во имя его немоществующимъ давали отвѣты, содержащїе въ себѣ средства къ излѣченїю ихъ. Въ заключенїе приложу изъ Владимирїады описанїе сего божества:

Тогда отважный Зничь, блистающь весь изъ внѣ,
Вѣщалъ: — — — —
Я хижинамъ свѣщу и озаряю троны;
Во мнѣ сіяетъ Фебъ, сынъ древнія Латоны.
Во существѣ огня я Россамъ жизнь дарю;
Питаю, грѣю ихъ, ихъ внутренности зрю.

Бѣлбогъ.

Самое названіе означаетъ его благимъ. На другихъ нарѣчіяхъ Славянскаго языка назывался такъ же *Бѣльцій-Бугъ*, что значитъ одно и тоже самое.

Изображался онъ по крытымъ кровію, и обсѣвшимъ по оной великимъ множествомъ мухъ, что кажется

было знаменіемъ питателя тварей; въ правой рукѣ держалъ кусокъ желѣза *).

Храмъ онъ имѣлъ на островѣ Ругенѣ въ городѣ Ахронѣ, гдѣ ему, точно какъ и Свѣтовиду, воздавалось почитаніе, особенно же отъ Славянъ жившихъ при Варяжскомъ (Бальтійскомъ) морѣ.

Ему не жертвовали кровію; но въ честь его отправлялись пиры, игры и разныя забавы. Подъ симъ божествомъ наши праотцы разумѣли благодѣянія, низпосылаемыя тварямъ При-

*) Сіе священное желѣзо употреблялось въ испытаніяхъ такимъ образомъ. Подозрѣваемому или обносимому въ чемъ нибудь по разкаленіи до красна давали сей кусокъ въ руку, приказывая съ нимъ пройти шаговъ десять. И когда рука оставалась невредима, то признаванъ былъ правымъ; въ противномъ же случаѣ обвинялся. Сего рода испытанія продолжались до временъ Царя Іоанна грознаго. Онѣ были почти всей Эвропѣ общи, какъ и полевой бой или законные поединки. Изъ сего видно, что сему богу приписывалось качество правосудія.

родою, сохраняющею ихъ. То правда, что чернь почитала ею ощущаемое, то есть самый истуканъ; но служители или изтолкователи ихъ вѣры конечно разумѣли въ смыслѣ отвлеченномъ благость Природы, дщери благаго царя и общаго всѣхъ мiровъ отца.

Сильный богъ.

У всѣхъ древнихъ народовъ тѣлесная крѣпость почиталась даромъ свыше низпосланнымъ: а потому таковые люди у Грековъ были полубоги, т. е. рожденные отцемъ или матерью безсмертною, и обратно коимъ либо изъ двухъ смертныхъ. Греки ихъ звали *героями;* что Славяно-Руссы означали

словомъ *богатырь*. Сіе слово, по изъясненію одного нашего знатока отечественной Исторіи, есть Татарское *батырь*, и значитъ силача; можно бы было сему повѣрить, естьли бы прежде сообщенія Русскихъ съ Татарами оное не было въ употребленіи; вѣрнѣе же оно составлено изъ Славянскаго *богъ* и Сарматскаго *Тиръ* или *Тирарь* (по его же изтолкованію) пасынокъ; что самое какъ названіемъ такъ и смысломъ ближе къ понятію богатыря подходитъ; и я лучше вѣрю, что Татарское батырь есть Русское перепорченное богатырь.

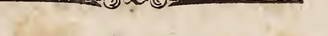
Подъ симъ божествомъ чтили Славяне даръ природы тѣлесной, крѣпости; это былъ лицеобразованный Греческой Марсъ или Арей. Изображеніе его было въ видѣ мужа, держащаго въ правой рукѣ дротикъ, въ лѣвой же серебряной шаръ, какъ бы чрезъ то да-

вая знать, что крѣпость обладаетъ всемъ міромъ. Подъ ногами его лежала львиная и человѣческая головы, поелику и та и другая служатъ эмблемою тѣлесной крѣпости.

Дажбогъ.

Сїе божество было такъ же благотворное, податель всякихъ благъ земныхъ, богатства, щастїя и благополучїя. Жертвовали ему токмо усердными мольбами и изпрошенїемъ у него милости; ибо благотворенїе не требуетъ ничего кромѣ прошенїя и признательности. Г. Херасковъ прилично именуетъ его въ Владимирїадѣ — *Даж-*

богъ плодовитый, когда вѣрили, что отъ него получаютъ всякія блага, какъ отъ неизсякаемаго источника. Божницу онъ имѣлъ въ Кіевѣ. Онъ служилъ эмблемою *благополучія*, которое обоготворяли древніе Римляне.

Животъ.

Сіе божество было въ почтеніи у Полянскихъ Славянъ; имя же его означаетъ жизнедателя или сохранителя жизни. Это былъ другой Вишну *) Славянской. А какъ и самое названіе Греческаго *Зевса* или *Юпитера* произво-

*) Вишну Индѣйское божество сохраняющее; Бримагъ созидающее и Сива разрушающее.

дятъ отъ Греческаго слова *жизни*, то не почерпнули ли оба народа первоначальныя понятія о сихъ существахъ изъ одного начала? — И не преобразили ли Греки своего въ существо грозное, когда Поляне имя и соединенное съ онымъ понятіе, живохранителя и животодавца зберегли? — Сіе божество было у Полянъ изъ первостатейныхъ, и имѣло свои храмы. Впрочемъ понятіе о существѣ живохранящемъ кажется мнѣ тонѣе и чище нежели понятіе о богѣ-лѣкарѣ, Апполонъ ли то былъ, или сынъ его Ескулапій. О семъ божествѣ упоминается только въ Польскихъ древностяхъ; почему его и называю собственнымъ божествомъ Полянскихъ Славянъ.

Ледъ.

Ему Славяне молились о успѣхахъ на сраженіяхъ, и онъ почитался начальствующимъ надъ воинскими дѣйствіями и кровопролитіемъ. Сіе свирѣпое божество представлялось въ образѣ страшнаго воина, вооруженнаго въ Славянскую броню или всеоружіе. При бедрѣ мечь; копье и щитъ въ рукѣ. Сіе божество имѣло свои храмы; война доставляла ему жертвы. Идучи противъ непріятелей своихъ Славяне молились ему, прося о помощи, и дѣлая обѣщанія по побѣжденіи непріятелей принести ему обильныя жертвы. — Вѣроятно, что сіе божество больше нежели другія первостепенныя получало кровавыхъ жертвъ; потому что оное заключало въ себѣ понятіе кровопролитія, убійства; и въ смыслѣ болѣе почтенномъ, храбро-

сти, безсмертія и мужества. Въ прочемъ древнихъ Славянъ не льзя упрекать человѣческими жертвами, между тѣмъ какъ мы видимъ древнихъ Грековъ таковыя жертвы приносившими, и что еще ужаснѣе, жертвовавшими своими однородцами, дѣтьми. Обагряемой человѣческою кровію у Германцовъ Ирмензуловъ храмъ, Сирійской Молохъ, Норманскіе камни, доказываютъ, что въ первобытной грубости, или по впаденіи въ оную, почти всѣми народами обладало кровавое суесвятство. Сверхъ сего Славяне (не говоря о всѣхъ поколѣніяхъ, но разумѣя привыкшихъ къ брани и кровопролитію) приносили въ жертву своимъ богамъ только враговъ.

Изъ древнихъ лѣтописцевъ видно что за отдаленіемъ отъ храмовъ Леда, чтили его въ мечѣ или саблѣ, вынутой изъ ноженъ и воткнутой въ

землю, покланяяся ему, и моля его о помощи.

Здѣсь кажется кстати упомянуть о Славянскихъ до Рурика бывшихъ богатыряхъ. Древнѣйшій есть Князь *Славенъ*. Сіе имя кажется нарицательное, значащее Славенской Князь, либо собственное, но данное ему отъ пріобрѣтенной имъ славы; ибо Славяне до него носили свое имя. Дѣти его, славный *Волхвъ*, воевавшій съ народами обитавшими по берегамъ рѣки Волхова, прежде именовавшейся Мутною рѣкою, и братья его *Волховецъ* и *Рудотокъ*. Знаменитый *Буривой*, воевавшій съ Варягами (морскими разбойниками, можетъ быть Норманскими, а не Русскими). Мудрой *Гостомыслъ*, его сынъ, богатырь и законодатель.

Но каковы Славянскіе и Славяно-Русскіе были богатыри, то видно изъ

слѣдующаго сказочнаго богатырскаго повѣствованія.

Начинается сказка
Отъ сивка отъ бурка
Отъ вѣща коурка
На честь и на славу
Отецкому сыну,
Удалому витязю,
Храброму рыцарю,
Доброму молодцу,
Русскому Князю,
Что всякія силы
Сѣчетъ, побиваетъ;
Могучихъ и сильныхъ
Съ коней вышибаетъ;
А бабу Ягу
На полати бросаетъ;
А смерда Кащея
На привязи держитъ;
А змѣя Горынича
Топчетъ ногами;
И красную дѣвку
За тридевять морь

ВЪ тридесятой землѣ
ИзЪ подЪ грозныхЪ очей
ИзЪ подЪ крѣпкихЪ замковЪ
На бѣлу Русь увозитЪ.
А выдетЪ ли молодецЪ
ВЪ чистое поле?
ОнЪ свиснетЪ, онЪ гаркнетЪ
СвистомЪ богатырскимЪ,
КрикомЪ молодецкимЪ:
Ты гой еси конь мой!
Ты сивка, ты бурка,
Ты вѣща коурка!
Ты стань предомною,
КакЪ листЪ предЪ травою.
На свистЪ богатырской,
На крикЪ молодецкой,
ОтЪ куда ни возмется
Конь сиво-бурой
И сиво-коурой.
Гдѣ конь побѣжитЪ,
ТамЪ земля задрожитЪ:
А гдѣ конь полетитЪ,
ТамЪ весь лѣсЪ зашумитЪ.
На полетѣ конь изЪ рта

Пламенемъ пышетъ;
Изъ черныхъ ноздрей
Свѣтлыя искры бросаетъ;
И дымъ изъ ушей
Какъ трубами пускаетъ.
Не въ день и не въ часъ,
Во едину минуту
Передъ витяземъ станетъ.
Удалой нашъ молодецъ
Сивку погладитъ.
На спинку положитъ
Сѣдѣльце Черкасско,
Попонку Бухарску,
На шейку уздечку
Изъ бѣлова шелку
Изъ шелку Персидскова.
Пряжки въ уздечкѣ
Изъ краснова золота
Изъ Аравитскова.
Въ пряжкахъ спенёчки
Изъ синя булата,
Булата заморскова.
Шолкъ не порвётся;
Булатъ не погнётся;

И красное золото
Ржаветь не будетъ.
У доброва молодца
Щитъ на груди,
На правой рукѣ перстень;
Подъ мышкою палица
Серебряная;
А подъ лѣвою мечь
Со жемчужиною.
Богатырская шапка;
На шапкѣ соколъ.
За плечами колчанъ
Съ калеными стрѣлами.
Въ бою молодецъ
И битецъ и стрѣлецъ:
Не боится меча,
Ни стрѣлы, ни копья.
Онъ садится на бурку
Удалымъ полетомъ;
Онъ ударитъ коня
По крутымъ по бедрамъ
Какъ по твердымъ горамъ.
Подымается конь
Выше темнова лѣсу

Къ густымъ облакамъ.
Онъ и холмы и горы
Межъ ногъ пропускаетъ;
Поля и дубравы
Хвостомъ устилаетъ;
Бѣжитъ и летитъ
По землямъ, по морямъ,
По далёкимъ краямъ.
А каковъ доброй конь;
То таковъ молодецъ:
Ни видать, ни слыхать,
Ни перомъ описать;
Только въ сказкѣ сказать.

Вотъ изображенïе Русскаго богатыря! Вотъ примѣръ древняго Русскаго эпическаго стихотворства!

Коляда.

Подъ симъ богомъ разумѣли наши предки миръ и сопутствующее съ онымъ блаженство; а посему праздники въ честь сему божеству отправлялись играми и веселїемъ. Оные начинались въ концѣ мѣсяца *Студеня*, или съ 24 *Декабря*. Зимою можетъ быть для того установлены были ему праздники, что Славяне никогда въ сїе годовое время не воевали, но наслаждались покоемъ по военныхъ трудахъ. Сему присноюному, веселому, всеблагому и повсюду разсѣвающему обилїе божеству жертвовали пѣнїемъ, пляской, играми и разными забавами. Праздники же ему посвященные препровождали въ пирахъ и веселостяхъ. Нынѣшнїя загадыванїя дѣвушекъ о Святкахъ, кажется и тогда существовали; ибо когда лучше ду-

мать о любви и замужествѣ, какъ не во время отдыха, покоя, наслаждаяся обилїемъ богатой осени? Впрочемъ, сему божеству молилися, прося у него мира, тишины и изобилїя въ земныхъ плодахъ и скотѣ. Равно по учиненїи съ непрїятелями мира, ему приносилось благодаренїе, и праздновали его праздники пирами и веселїемъ. Празднованїя нарочныя начинались въ честь ему съ вечера на 25 Студеня. Остатокъ оныхъ еще и по нынѣ между нами уцѣлелъ. Въ сей вечеръ собираются дѣвушки (индѣ же молодые ребята), и приходя подъ окно къ каждой избѣ поютъ слѣдующую пѣсню, которая, судя по слогу, кажется быть очень древняя.

Вотъ она:

Виноградье красно почему спознать?

Почему домъ Устина Малафее-
вича? *)
У его вотъ у двора всё шелкова трава,
У его то у двора всё серебряной тынъ;
Ворота у него дубовыя;
Подворотенки рыбья зубья.
На дворѣ у него да три терема:
Въ первомъ теремѣ да свѣтёлъ мѣсяцъ;
Во второмъ терему красно солнышко;
Въ третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтёлъ мѣсяцъ, то Устиновъ
домъ;
Что красно солнце, то Улита его;
Что часты звѣзды, малы дѣтушки.
Да дай Боже Устину Малафеевичу
Съ борзыхъ коней сыновей женить;
Да дай Боже Улитѣ Хавроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ;
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
Наша коляда всего полъ-алтына.

*) На мѣсто сихъ именъ припѣваютъ имена того хозяина и хозяйки, передъ чьими окнами колядуютъ.

По пропѣтіи сихъ пѣсенъ, колядовщицы получаютъ нѣсколько денегъ, или больше изъ пшеничнаго тѣста напеченныя бездѣлушки; а молодымъ ребятамъ колядовщикамъ въ иныхъ мѣстахъ выносятъ по ведру или больше пива, которое они сливаютъ въ возимую съ собою бочку.

Всѣ такъ называемыя святошныя игры суть останки древнихъ въ честь богу мира празднованій. Въ сіе время дѣвушки гадаютъ о своихъ *суженыхъ*, т. е. рокомъ опредѣленныхъ будущихъ мужьяхъ своихъ; поютъ такъ именуемыя по святкамъ подблюдныя свя-

*) Такъ названныя отъ блюда, въ которое загадывающія дѣвушки кладутъ какую либо съ себя вещицу, какъ то: перстень, запонку и проч. и покрывъ оное салфеткой, накладываютъ уголь или огарокъ. Послѣ сего по пропѣтіи пѣсни загадывающая вынимаетъ вещь, и чья вынется напередъ, тому пѣтое въ пѣсни збудется. Загадываютъ же обыкновенно о женитьбахъ.

тошныя пѣсни, которыя я здѣсь для того не привожу, что они слишкомъ извѣстны всякому изъ моихъ читателей.

Усладъ.

Радость на челѣ, румянецъ на щекахъ, уста улыбающїеся, увѣнчанный цвѣтами, одетый нерадиво въ легкую ризу, играющїй въ кобзу, и пляшущїй на голосъ оныя, есть богъ веселїя и жизненныхъ услажденїй, сопутникъ Лады, богини прїятностей и любви;

> Усладъ прельщающїй воззрѣнїемъ одним — —
>
> *Владим.*

Онѣ былѣ почитаемѣ покровителемѣ всякихѣ удовольствій и увеселеній. Кажется, что сїе божество начально изображало душевныя и тѣлесныя удовольствїя: но какѣ все отвлеченное между народомѣ преобращается вѣ чувственное и грубое, умственное же вѣ вещественное, то и Усладѣ почитаемѣ былѣ богомѣ роскоши, пировѣ, утѣхѣ, увеселеній, забавѣ и особенно столовыхѣ явственныхѣ услажденій, какѣ *Корсъ* пьянства. Человѣкѣ чувственный все любитѣ принаровлять кѣ своимѣ страстямѣ, кои обратно приписываетѣ всему извлеченному чувственности и страстей. Наконецѣ скажу, при всякихѣ пиршествахѣ (вѣ коихѣ точно какѣ и вѣ питьѣ полагалось вѣ древности все человѣческое блаженство) сїе божество было призываемо и умоляемо.

Лада.

Леля, Полеля, Дидъ, Дидилія. Вотъ прекрасное семейство, каковаго не могло выдумать и Греческое игривое воображеніе! Что естественнѣе, какъ *Красота* съ своими дѣтьми, *Любовію*, *Бракомъ* или *Сочетаніемъ*, *Супружественной жизнію* и *Дѣторожденіемъ*?

Богиня красоты и любви всего болѣе чтима была въ Кіевѣ. Владиміръ до крещенія своего будучи влюбчивъ и повсюду собирая красавицъ, весьма чтилъ сію Царицу любви. Онъ ей воздвигнулъ великолѣпный и преукрашенный на Горѣ *) храмъ. Г. Херасковъ такъ оный описываетъ:

*) Горою разумѣть должно мѣсто, гдѣ стоялъ старой Кіевъ: ибо слово Киви по Сарматски значитъ гору.

Храмъ Ладинъ пестрыми гордящійся
столпами,
Сплетенными изъ розъ обвѣшанъ вкругъ
цвѣтами.
Богиня отрока держащая въ рукѣ
Являлась въ бисерахъ и миртовомъ
вѣнкѣ:
У ней разпущенны власы подобно зла-
ту;
За благости ея цвѣты приносятъ въ
плату.

Владим. Пѣснь III.

И въ другой (II) пѣснѣ:

И въ немъ (храмѣ) величество небесъ
изображаетъ;
Ступеней седмь, и седмь вкругъ идола
столповъ. —

Изъ сего описанія Піита видно что храмъ ея былъ великолѣпный, и можетъ быть великолѣпнѣе Перунова.

Лада изображалась въ видѣ молодой

прекрасной женщины, въ розовомъ вѣнкѣ; волосы у нее были золотоцвѣтные; одетая въ Русскую одежду, опоясанная золотымъ поясомъ и убранная жемчугами. Она держала за руку младенца, которой есть богъ любви или *Леля*.

И златовласая съ младенцемъ тамо Лада.

Херасковъ.

Служенiе сей прiятной богинѣ было сходственное съ ея свойствами. Ей пѣли въ честь пѣсни и приносили куренiе ароматъ и цвѣты.

Россiйской эпической творецъ такъ оное описываетъ:

Дѣвицы окруживъ кумиръ во строй-
номъ чинѣ,
Со умилѣнiемъ воспѣли пѣснь богинѣ:
„О! нашей юности хранящая цвѣты!
„Дай, Лада, мирное супружество намъ
ты!“

Мастики передЪ ней какЪ облакЪ воз-
курили
И имя Ладино стократно повторили;
ВЪ то время возгремѣлЪ кимваловЪ
громкихЪ звукЪ;
Дѣвицы жертвенны составивЪ цѣпь изЪ
рукЪ,
Когда произвела прїятной голосЪ лира,
Плясанье начали при пѣсняхЪ вкругЪ
кумира.
ПриходятЪ предЪ олтарь и жрица и
жрецы
Носящи для дѣвицЪ богинины вѣнцы,
КоторыхЪ на главы священно возло-
женье
ОбязанЪ Князь чинить любви во уваже-
нье.
ВладимирЪ оросилЪ, начавЪ обрядЪ та-
кой,
И руки и чело священною водой.

ВотЪ описанїе служенїя богинѣ люб-
ви, не требующее никакого дополне-
нїя: потому что вЪ другомЪ мѣстѣ

авторъ Владимира возрожденнаго дополнилъ оное такъ:

Краснѣе утренней зари отроковицы
Несутъ уже цвѣты во храмъ любви
Царицы.
Преобращается въ помостъ прекрасный лугъ,
И дѣвы юныя кумира стали вкругъ.
Сїянье чистыхъ звѣздъ онѣ изображаютъ,
Которыя луну блестящу окружаютъ.
Едина между сихъ сїяетъ паче всѣхъ —
— — — — — —
Ей первой жребїемъ готовился вѣнецъ,
Который на дѣвицъ взлагаютъ Князь
и жрецъ.

Развивая немногїя слова, оставшїяся въ нашихъ лѣтописяхъ о баснобожїи Славянъ, можно заключить, что сей богинѣ наивеличайшее воздавалось въ Кїевѣ почитанїе въ княженїе Владимира до просвѣщенїя его божествен-

нымъ свѣтомъ Христіанства. Будучи по словамъ древнихъ лѣтописцевъ *женолюбивъ*, воздавалъ великую честь богинѣ любви, и можетъ быть при немъ установлены обряды служенія, описанные творцемъ Владиміріады; и сіе потому, что оные обряды служили ему пособіемъ къ избранію прекраснѣйшихъ изъ дѣвицъ.

Леля *).

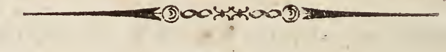
Божокъ пламенный, разсыпающій или мещущій изъ руки искры. Сила его

*) Слово лелѣять, что говорится о нѣженьѣ дѣтей, или отъ Лели произходитъ, или вѣрнѣе отъ Леля, какъ младенецъ отъ сего слова.

состояла въ воспламенении любви. Онъ есть сынъ красоты, какъ и естественно красота рождаетъ любовь. Изображался онъ въ видѣ златовласаго, какъ и мать его, пламеннаго, крылатаго младенца: свойство любви воспламенять. Онъ металъ изъ рукъ искры: любовь воспаляетъ сердца не искрами ли какъ бы изходящими изъ очей, изъ устъ прекрасной или лучше любимой (потому что въ языкѣ любви красотою называется что каждому изъ нераздѣлимыхъ въ особливости страстно нравится) особы? Безотлучно находился при своей матери: весьма натурально любви всегда быть при красотѣ; красота всегда производитъ любовь. Онъ старшій сынъ Лады: при соединеніи двухъ половъ любовь все прочее предваряетъ. Впрочемъ Г. Херасковъ даетъ ему по подобію Эрота лукъ и стрѣлы:

Сынъ Ладинъ въ воздухѣ взвивается
крилами,
И напрягаетъ лукъ пернатыми стрѣ-
лами.

Послѣ Любви слѣдуетъ Бракъ, ко-
торой есть второй сынъ Лады, и име-
нуется *Полеля.*

Полеля *).

Второй сынъ богини любви. Всякая
чистая и на добродѣтели основанная
любовь влечетъ за собою бракъ. По-
чему Славяне вымыслили, или лучше,
истинну прикрыли покровомъ сего вы-

*) Какъ бы слѣдующїй по Лелѣ, любви, то есть,
бракъ.

мысла. Сїе божество улыбающееся въ шипковомъ вѣнкѣ, подаетъ рукою простертою шипковой же вѣнокъ, а въ другой держитъ рогъ питїя вѣрности. Онъ не есть нагой, какъ братъ его, но одетъ въ тонкую ризу или рубаху. Сїе божество такъ же имѣло свои божницы въ Кїевѣ, хотя и въ другихъ мѣстахъ было чтимо. Херасковъ такъ его опредѣляетъ:

Полель веселостей богиню провождалъ:
Въ немъ Кїевъ брачные союзы обожалъ.

Дидъ *).

Вотъ третїе чадо матери любви, жизнь супружняя; сей такъ же какъ

*) Дидъ или правильнѣе Дитъ, Дито, Дитя, Дѣтя, Дѣтъ, и множ. Дѣти.

и братья его всегда молодЪ. Потому что супружняя связь, натурою установленная для размноженія человѣческаго рода, не должна ослабѣвать или старѣться. Супруги перестаютЪ быть супругами только тогда, когда жарЪ любви мало по малу угасаетЪ: тогда они становятся друзьями. Сію послѣднюю связь разрываетЪ одна только смерть. ОнЪ одетЪ вЪ полную Славянскую одежду; вѣнокЪ на немЪ изЪ васильковЪ; онЪ ласкаетЪ держа вЪ рукахЪ двухЪ горлицЪ. Сей богЪ имѣлЪ свой вЪ Кіевѣ храмЪ, и ему молилися замужніе и женатые о благополучномЪ супружествѣ и дѣторожденіи.

Дидилїя *).

Такъ же изъ семейства Лады. Она почиталась не только покровительницею благополучныхъ родовъ, но и разрѣшительницею неплодныхъ женщинъ. Почему и прибѣгали къ ней для моленїя какъ чреватыя такъ и безплодныя. Истуканъ ея представлялъ молодую прекрасную женщину, имѣющую на головѣ на подобїе вѣнца украшенную жемчугами и каменьями повязку; одна рука у ней была разжата, а другая сжата тылеснею, или кулакомъ. Наизнатнѣйшїй, сверхъ другихъ, храмъ ея былъ въ Кїевѣ. Сею Богинею оканчивается Ладино семейство, изобрѣтенїе коего весьма натурально, полно, вѣрно и прекрасно. Греки дали Венерѣ одного Эрота

*) Какъ бы Дѣтилїя или Дѣтодательница.

или Любовь: ГименЪ и Гименей были ей чуждые; а надЪ родами начальствовала Юнона. Но Славянское вообраafженie будучи вѢрнѢе, хотя и не столько живо и летуче, составило изЪ всѢхЪ сихЪ одну семью совершеннѢйшую.

Мерцана.

ПодЪ симЪ названiемЪ Славяне разумѢли зарю. СлѢдовательно ей можемЪ придать тѢ же приложенiя, кои ГомерЪ, списывая сЪ природы, прилагаетЪ кЪ своей зарѢ: онЪ ее называетЪ *рудожелтою зарею*, иногда же *златобагряною*. Оная у него появляется

по два раза въ день. Когда Фебъ выѣзжаетъ на небо: тогда утромъ поднимая мрачный покровъ ночи своими розовыми перстами, показываетъ на малое время свою златобагряную одежду. Какъ же скоро Фебъ вѣдетъ на небо, то снова скрывается; а въ другой разъ, какъ скоро Фебъ приближится къ западнымъ вратамъ своего дома, она ему оныя отворивъ и встрѣтивъ дожидается пока проѣдетъ, и до тѣхъ поръ ея златобагряная риза бываетъ видна, доколь опять не опуститъ она завѣсы ночи. Но Славянская заря при отправленіи сего служенія Свѣтовиду выходитъ иногда ночью рѣзвиться надъ нивами, порхая надъ созрѣвающими классами. И тогда зовутъ ея *зарницею*. А какъ вѣрили, да и теперь еще вѣрятъ, что зарница способствуетъ къ большему обилію и къ скорѣйшему созрѣванію

жатвѣ; то и почиталась покровительницею нивяныхъ плодовъ. А посему молили ея о урожаѣ хлѣба. Признакъ ея, какъ богини жатвѣ, классовой вѣнокъ; какъ заря, румяна и въ златобагряной одеждѣ, которая состоитъ изъ обширнѣйшаго покрова или фаты, прикрывающей задніе пол- головы, у груди приколотой и простирающійся до земли. Сія богиня особенно сельскими жителями почиталась.

БОГИ ЗЕМНЫЕ.

ТРИГЛАВА.

Такъ же сокращенно именовалась *Тригла.* Сїя богиня не имѣла храма въ городахъ и селенїяхъ, а находился онъ на поляхъ Кїевскихъ; истуканъ же ея представлялъ женщину о трехъ головахъ. Славяне, кажется, благоразумно поступали, не вмѣщая храма богини, изображавшей землю, среди жилищъ. Три ея главы означаютъ три начала составляющїя земной шаръ, т. е. земля, вода и воздухъ: ибо существованїе огня полагалось внѣ земли. Сему доказательствомъ служитъ Прометей, похитившїй огонь съ неба. Нѣтъ ничего лучше сей ихъ догадки, какъ поставить храмъ земли подъ открытымъ небомъ, поелику самое изображенїе сего храма и богини

значило землю. Сверхъ сего три ея главы могутъ представлять собою горы, долины и лѣса. Въ смыслѣ же отвлеченномъ, богиня сія, кажется, изображала продолженіе времени, настоящее, прошедшее и будущее.

Волосъ.

По причинѣ пользы, получаемой отъ скота, коего сей богъ почитался покровителемъ, послѣ Перуна, бога ужаса, Волосу, подателю чрезъ сохраненіе скота великихъ пользъ и благъ людямъ, воздавалось величайшее почитаніе. Самое имя означаетъ его велечтимымъ: ибо Велесъ, чрезъ тол-

кованїе слова, значитъ *велїй есть*, т. е. великїй, а *Волосъ*, володѣющїй, т. е. обладатель *). Сїе высокое почитанїе къ нему Славянъ видно въ лѣтописяхъ изъ договоровъ Святослава съ Греками, когда въ соблюденiи мира Греки присягали цѣлуя крѣстъ и Евангелїе, а Святославъ, вынувъ изъ ножней саблю, клялся надъ нею *Перуномъ и Велесомъ богомъ скотїимъ.* Имя Велеса, какъ хранителя скотовъ, еще и по нынѣ сохраняется въ созвучномъ оному имени *Ст. Власїя*, или по просту *Власа*,

*) Волотами или Влахами древнїе именовали Римлянъ, какъ обладателей всей земли (чѣмъ они и сами хвалились). А какъ въ землю Гетовъ, кои были Славяне, жившїе на мѣстѣ нынѣшней Волохїи и Молдавїи, Римляне посылали на поселенїе безпокойныхъ воиновъ; то Славяне называя сихъ Волотами, назвали и самую часть заселенной ими земли Волохїею; напротивъ же того, другому отдѣленїю Гетовъ дали Римляне прозванїе Мултянїи. Нынѣшнїе Волохи и Молдаване есть не иное что какъ смѣсь Славянъ-Гетовъ съ Римлянами.

котораго деревенскіе жители называютъ коровьимъ богомъ, точно какъ *Ст. Егорія*, коневьимъ и овечьимъ. Онъ съ бычачьими рогами, въ простой одеждѣ, держитъ въ рукѣ чашу съ молокомъ: ибо онъ предпочтительно покровительствовалъ крупному рогатому скоту. Въ жертву ему приносились коровы и быки. Въ Кіевѣ воздвигнуты были ему божницы; равномѣрно и въ другихъ городахъ имѣлъ свои капища.

Херасковъ говоритъ такъ о семъ идолѣ:

— — и Велесъ паствы богъ.

Что согласуется съ моимъ описаніемъ.

Могошъ *).

И сей по Нестору есть такъ же богъ скотовъ: однакожъ надобно замѣтить различїе между Могошемъ и Велесомъ. Первой крупнаго скота богъ, другой же мѣлкаго, какъ то, овецъ козъ и проч. А какъ польза отъ мѣлкаго скота получаемая состоитъ во первыхъ въ шкурахъ и потомъ въ мясѣ; то и изображенїе сего бога будетъ тому соотвѣтственное: съ мохнатой козлиной бородою, съ бараньими рогами, въ шубѣ бараньей на выворотъ; въ рукахъ палка или пастушїй посохъ, а въ ногахъ у него можетъ положенъ быть барашикъ. Сей богъ такъ же

*) По разности произношенїй, Мокошъ называется Макошъ, Мокослъ, что все изтолковывается словомъ Могущь.

имѣлъ по городамъ свои храмы; а почитаемъ былъ всего болѣе поселянами.

Купало.

Веселый и прекрасный богъ, одетый въ легкую одежду и держащїй въ рукахъ цвѣты и полевые плоды; на головѣ имѣющїй вѣнокъ изъ цвѣтовъ купальницъ, богъ лѣта, полевыхъ плодовъ и лѣтнихъ цвѣтовъ, *Купало* *). Онъ

*) Имя сїе произходитъ отъ купа, кустъ, которой въ Славянскомъ языкѣ увеличительно называется купина. Купа (масса) произходитъ отъ сего слова: ибо прежде дано таковое названїе кусту, а отъ него уже сравнительно съ совокупнымъ множествомъ прутьевъ или стволовъ его, дали названїе купы собранїю однородныхъ вещей.

почитается третьимъ по Перунѣ и вторымъ по Велесѣ: ибо по скотоводствѣ земные плоды всего болѣе служатъ къ содержанїю и продовольствїю человѣческой жизни, и составляютъ его обилїе и богатство. Мерцана любила нивы, слѣтая ночью на оныя, играя и резвясь надъ ними, а можетъ и съ самыми классами, любимѣйшими ея растѣнїями, которыхъ созрѣванїю способствовала: сїе же самое божество пеклось о изобилїи и благополучномъ созрѣнїи всякихъ полевыхъ произрастенїй. Вѣроятно, что по приведенїи въ зрѣлость класовъ, Мерцана ихъ оставляла, и препоручала дальнѣйшее о нихъ попеченїе Купалѣ. И онъ-то долженъ былъ сохранять ихъ отъ непогодъ, сильныхъ вѣтровъ, и покровительствовать земледѣльцамъ собирающимъ ихъ. Или, поелику Мерцана только ночью сходи-

ла для любованья ими, то станется, что дневное попеченіе бралъ на себя Купало. Какъ бы то ни было, но самыя жертвы приносившіяся ему предъ начатіемъ жатвы доказываютъ, что онъ сверхъ другихъ полевыхъ произведеній покровительствовалъ такъ же и нивянымъ.

Празднованіе ему установлено было мѣсяца Червеца 23 и 24 дня *). Тогда молодые люди обоихъ половъ въ вѣнкахъ и опоясаніяхъ (гирландахъ) изъ купальницъ и другихъ цвѣтовъ во кругъ расположеннаго огня при пѣніи пѣсень плясали, почасту чрезъ оный перескакивая. Пѣсни же сіи были или въ честь Купалѣ, или въ оныхъ припѣвалось только его имя.

*) Червецъ, получившій такое свое названіе отъ размножающихся тогда червей или молодыхъ насѣкомыхъ, соотвѣтствуетъ нашему Іюню мѣсяцу.

Таковыя пѣсни еще и по сїе время по нѣкоторымъ деревнямъ и селамъ продолжаются. По воспринятїи Россїею Христїанской вѣры прошло болѣе восьми сотъ лѣтъ, и совсѣмъ тѣмъ слѣды древняго баснобожїя все еще не могутъ изгладиться: столько человѣку любезны боги образованные имъ по своему подобїю, страстямъ и нравамъ!

Родомыслъ.

Божество Славянъ Варяжскихъ, покровитель законовъ, податель благихъ совѣтовъ, мудрости, красныхъ и умныхъ рѣчей. При начатїи град-

скихъ совѣщаній или сходокъ, относящихся къ благоденствію града, или къ отвращенію угрожающей общей напасти, ему молились, принося жертвы. При всякомъ важномъ предпріятіи, требующемъ мудрости, Родомыслъ былъ призываемъ. Сіе божество имѣло въ городахъ при Варяжскомъ морѣ свои храмы. Истуканъ его представлялъ человѣка въ размышленіи, уперщаго въ лобъ указательнымъ перстомъ правой руки; въ лѣвой же рукѣ щитъ съ копьемъ. Сіе божество кажется быть тоже, что у Цельтовъ Биддеръ, богъ мудрости и краснорѣчія.

Сѣва. *)

Собственно богиня осени и садовыхъ плодовъ. Изображалась въ видѣ нагой женщины съ полными сосцами, имѣющей волосы висящими до подколѣнокъ, и держащей въ правой рукѣ яблоко, а въ лѣвой гроздъ. Суевѣріе, дѣлавшее себѣ изо всего боговъ, изъ благорастворенія воздуха, умѣренности погодъ, и обыкновеннаго плодоноснаго года, образовало себѣ особенное божество, будто бы благословлявшее сады его и огороды, и оному молилось и просило его о покровительствѣ. Впрочемъ изображеніе сей богини остроумно. Нагота ея изображаетъ состояніе природы въ плодопроизводную часть года; полные сосцы и длинные волосы, общую всѣхъ тварей пита-

*) По разности произношенія выговаривалась, Сива, Сиба, Дзива, т. е. дѣва.

тельницу во всемъ преизобилующую; яблоко служитъ эмблемою матери нѣжащей милыхъ чадъ своихъ, гроздъ же упоевающей всѣхъ роскошью. Сѣва была божествомъ не только плодовъ садовыхъ, но и самаго времени ихъ поспѣванія, осени. Она особенно почиталась отъ Славянъ жившихъ при Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ.

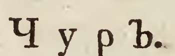
Зевана.

Богиня звѣриной ловли. И подлинно Славянамъ жившимъ почти во всей Россіи среди лѣсовъ, и промышлявшимъ ловлею звѣрей, сія богиня была послѣдней важности. Векши (векоши и ногаты) и куницы (куны) состав-

ляли въ древности не только ихъ одежду (здѣсь говорится о Славянахъ Древлянскихъ, т. е. жившихъ по лѣсамъ) но еще и вмѣсто ходячей монеты употреблялись *). Сія богиня изображается въ куньей шубѣ, которой верхъ покрытъ бѣличьими шкурками. Сверху надета вмѣсто эпанчи кожа медвѣдя, коего голова служитъ вмѣсто шишака. Въ рукахъ лукъ натянутый съ тупой стрѣлою или капканомъ; подлѣ нее положены лыжи и битые звѣри, такъ же рогатина и ножъ. Въ ногахъ лежитъ со-

*) Обиліе въ звѣряхъ и недостатокъ въ дорогихъ металлахъ, заставило употреблять шкурки звѣрей вмѣсто монеты. 20 бѣличьихъ шкурокъ равнялись одной куньей; а 20 куньихъ соотвѣтствовали гривнѣ, т. е. 1 фунту серебра. Потомъ серебро такъ возвысилось, что 7½ ф. или 150 кунъ, что будетъ 3000 вѣкошь, стоилъ 1 фунтъ серебра; въ послѣдствіи времени платилось за гривну или 1 ф. серебра по 120 гривенъ кунами, или по 2400 кунъ, что составитъ вѣкошей 48000.

бака. Сей богинѣ молились ловцы, прося у нее щастія въ звѣроловствѣ. Храмы ей сооружены были въ лѣсахъ. Въ честь ей приносилась часть добычь получаемыхъ охотою.

Чуръ.

Почитался богомъ межей. Онъ не имѣлъ храмовъ; но былъ божество умственное. Его просили о сохраненіи межей на поляхъ. Въ разсужденіи виду, можетъ быть не представляли ли его камни положенные для опредѣленія между полями границъ? Слово чуръ и нынѣ употребляется, означая воспященіе какого либо дѣйствія. Сіе слово у колдуновъ таинственное,

коимъ они призваннаго чорта опять прогоняютъ *). Въ заключенїе скажу, что я не ручаюсь за свое словопроизведенїе: я намѣкнулъ только мою догадку: а догадка для сего не есть еще самоистинна.

Прове.

Онъ же именуется и *Проно*. Сїи оба слова имѣютъ сходныя между собою значенїя. *Провѣ* или Провѣтъ, провѣщающїй, пророчествующїй: *Проно* же

*) Явственно, что я, писавши басни, не говорю о знанїи колдуновъ, какъ о чемъ нибудь существенномъ, и такъ же не выдаю за дѣйствительное сообщенїе ихъ съ духами, вымышленное и сплетенное ими на свою стать; но только какъ вѣритъ чернь сему ихъ обману, принимая то за самую истинну.

отъ слова прознать, т. е. предвѣдать, или проникнуть. Почитаемъ былъ Прове Вендскими и Померанскими (т. е. поморскими, приморскими, поморянскими) Славянами. Они его щитали вторымъ по Свѣтовидѣ, коему воздавали величайшее почитанїе. Истуканъ сего божества стоялъ на высокомъ густолиственномъ дубѣ, предъ которымъ поставлялся жертвенникъ для жертвоприношенїй; вокругъ же дуба усѣяно было по земли двуликими, треликими и четвероликими болванами. Кажется что подъ симъ божествомъ Славяне разумѣли предопредѣленїе, управлявшее мїромъ и распоряжавшее будущимъ. Впрочемъ, не жрецъ устами бога предсказывалъ, но думали что самъ Прове вселяясь въ жреца, говорилъ его устами. Ему приносили въ жертву плѣнныхъ: по закланїи, жрецъ точилъ

кровь ихъ въ чашу и прикушивалъ; а отъ сего и вѣрили, что онъ получалъ чрезъ то большую силу къ предсказанію. По окончаніи жертвы, и полученіи благопріятнаго предрѣченія, кумирообожатели начинали ѣсть, пить и веселиться.

Радегастъ.

Былъ обожаемъ такъ же Варяжскими Славянами. Онъ почитался защитникомъ городовъ. Истуканъ его былъ на подобіе Варяжскаго Славянина, вооруженнаго копьемъ, держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ съ изображеніемъ на немъ воловьей головы; въ шлемѣ, на коемъ представленъ былъ пѣтухъ съ распростертыми крыльями. Всѣ сіи

признаки означаютъ въ немъ блюстителя города: копье, поразителя враговъ; щитъ, градопокровителя и защитника; воловья голова, силу и крѣпость; пѣтухъ, бодрость и бдѣнїе въ сохраненїи городовъ, которые у старинныхъ Славянъ (точно какъ у Грековъ и Италїанцовъ древнихъ) составляли каждой въ особенности особливое общенародїе или Государство. Радегастъ, какъ и самое имя его объясняетъ, значитъ поразителя непрїятелей *). Ему сверхъ другихъ жертвъ, приносили кровь человѣче-

*) Гость въ старину по разности временъ и мѣстъ имѣло различное значенїе: а) гость значилъ морскаго наѣздника, какъ то и Несторъ о семъ говоритъ, что обитавшїе при Варяжскомъ морѣ назывались: Вагри (морскїе разбойники) или гости, (откуда враги или предони, разбойники) или Лютїи, злые, что все одно и тоже; б) Гости, прїѣзжїе купцы; в) торгующїе обтомъ; г) и нынѣ гость имѣетъ два разныя значенїя, посѣтителя и торгующаго обтомъ.

скую. Будучи равномѣрно почитаемъ прорицателемъ чрезъ жреца, долженъ былъ удѣлять часть варварской жертвы своему служителю, который по выточенiи изъ нещастнаго жертвуемаго крови его, оную прикушивалъ, какъ бы чрезъ то сообщаясь съ богомъ. По окончанiи жертвы и предсказанiя, начинался общественной пиръ, послѣ котораго играли на музыкальныхъ орудiяхъ и плясали. Здѣсь замѣтимъ мы однажды на всегда о всѣхъ при Варяжскомъ морѣ обитавшихъ Славянахъ, что боги ихъ были такъ же безчеловѣчны, какъ и они сами. Славяне при поселенiи ихъ на сихъ берегахъ, и смѣшавшись съ поморскими Финцами, промышлявшими наѣздами и грабежами по морю Варяжскому, они переняли у сихъ варварской ихъ промыслъ, и такъ же разъѣзжали по морямъ для

грабительствѣ. А сіе самое упражненіе уменьшало или и совсѣмъ истребляло въ глазахъ ихъ ужасъ и отвращеніе къ противоестественнымъ жертвамъ, поелику, по извѣстнымъ законамъ природы, привычка отъ усиленія дѣлается второю натурою. Самому Свѣтовиду, богу кроткому и благотворному, дерзали приносить кровь человѣческую; наконецъ, прибавимъ еще, что при закланіи какъ животныхъ такъ и людей, мечтали приносить въ жертву богамъ душу, которая у всѣхъ непросвѣщенныхъ народовъ полагалась въ крови; а посему кровь и была святѣйшимъ пожертвованіемъ идолу.

Корсъ. *)

Вотъ и покровитель охотниковъ до пива и мёду. Нагой, одутловатой, вѣнокъ на немъ сплетенъ изъ хмелевыхъ плѣтней съ листьями; перевязь на немъ хмелевая же. Въ правой рукѣ держитъ ковшъ, изъ котораго хочетъ пить; во кругъ него лежатъ груды черепьевъ отъ разбитыхъ кувшиновъ; самъ же сидитъ на утлой вверхъ опрокинутой дномъ бочкѣ. Славяне молились ему, выступая на пьянственные поединки. Ибо въ древности не только у Славянъ, но и въ цѣлой Европѣ тотъ не малымъ почи-

*) Такъ же Хорсъ, Корша и Коршъ. Начально ковшъ кажется назывался коршъ; ибо и до нынѣ въ Малороссіи уменьшительно говорятъ, корчикъ и корецъ, индѣже и коршикъ. Почему сему богу и дано имя отъ орудія всего чаще имъ употребляемаго въ пьянствованіяхъ своихъ.

тался богатыремЪ, кто могЪ перепить всѣхЪ. Тогда, какЪ вЪ наши вычищенныя времена, пьянство не только не приносило стыда: но еще тотЪ долженЪ былЪ терпѣть посмѣянїе, кто или не пилЪ, или не могЪ пить много. Цесарь то же самое говоритЪ о ГерманцахЪ, что они пьяной напитокЪ, извѣстнымЪ образомЪ свареной (пиво) пьютЪ до излишества, и кто больше другихЪ выпьетЪ, тотЪ большую получаетЪ честь. Но не сказали ли такЪ же и Персы вЪ честь Александру, что онЪ храбрЪ, прекрасенЪ, уменЪ и всѣхЪ перепиваетЪ? Сей порокЪ у ГрековЪ долгое время (да едва ли еще и теперь) почитался добродѣтелью, или лучше похвальбою и молодечествомЪ. АнакреонтЪ воспѣвая любовь, вмѣстѣ сЪ нею славитЪ свои *роги*, изЪ которыхЪ прежде пивали, и вЪ видѣ сихЪ самыхЪ роговЪ были

покалы, здѣланные изъ металла или дерева. Но наши предки, особенно воины, любили въ торжественныхъ пирахъ пить изъ череповъ убитыхъ ими злѣйшихъ ихъ враговъ, въ знакъ торжествованія надъ оными. И сей обычай собственно не Славянской. Почти всѣ полупросвѣщенные народы, главнѣйшее упражненіе свое полагавшіе въ войнѣ, такъ поступали. Примѣромъ тому Цельты (Датчане), Норманцы (Шведы) и проч. Да и нынѣ обычай сей сохраняется у многихъ дикихъ народовъ.

Ясса.

Божество Славянъ Полянскихъ и Гетовъ *).

Позвиздъ.

Свирѣпый богъ непогодъ и бурь. Руской эпической поэтъ о немъ такъ говоритъ:

*) Ясса, Поревидъ и Гровъ, три божества, которыя всѣ входятъ въ составъ Славянскаго многобожїя, но которыхъ отличительныя свойства и принадлежности, равно какъ и образъ служенїя имъ, и другїя касательно сего подробности не могши описать съ нѣкоторою вѣроятностїю, за недостаткомъ письменныхъ о томъ показанїй или изустныхъ преданїй, я прохожу не сказавъ о нихъ ни слова; ибо я не взялся подставлять искусственныя сплѣтенїя вымысла имѣсто истиннъ болѣе или менѣе сомнѣнїю подверженныхъ.

И Позвиздъ бурями, какъ ризою одетой.

И вотъ старинное о немъ понятїе:

— — — — — —

Съ брады дожди льютъ проливные,
Изъ устъ валятъ туманы злые.
Тряхнетъ ли Позвиздъ волосами?
Валитъ на землю полосами,
Нивъ изтребитель, крупный градъ.
Махнетъ ли хладною полою?
Звѣздчатъ снѣгъ хлопьями валитъ.
Летитъ ли облачной страною?
Предъ нимъ предидетъ шумъ и свистъ;
Полкъ вѣтровъ, бурь за нимъ несется,
Взвѣвая къ небу прахъ и листъ;
Столѣтнїй дубъ трещитъ и гнётся;
Боръ клонится къ землѣ травою;
Трепещутъ рѣки въ берегахъ.
Крутится ль въ голыхъ онъ скалахъ?
Свиститъ, ревётъ, гулитъ, ярится.
Ударитъ ли въ утёсъ крыломъ?
Вздрогнетъ гора; утёсъ валится;
И въ пропастяхъ катится громъ.

И такъ Позвиздъ имѣетъ видъ свирѣпый, волосы и бороду всклокоченную, епанчу долгую и съ крыльями на разпашку. Ему, какъ и Виргиліеву Эолу, мѣстопребываніе должно дать на высокихъ горахъ. Онъ имѣлъ близъ Кіева храмъ на полѣ: потому что суевѣріе думало, что этотъ вымышленной и образованной съ дѣяній природы богъ могъ залетать въ сей построенной ему постоялой домъ. Кіевляне распространяли власть его; они почитали его не только богомъ бурь, но еще и всякихъ воздушныхъ перемѣнъ, какъ добрыхъ такъ и худыхъ, полезныхъ и вредныхъ. Почему и просили о дарованіи красныхъ дней, и объ отвращеніи непогодъ, которыя почитались находящимися подъ его властію и управленіемъ. А и того еще вѣроятнѣе кажется, что они молили его не столько о подаяніи

имъ блага, сколько чтобъ не причинялъ имъ зла, по которой самой причинѣ и всѣмъ вредоноснымъ богамъ воздавалось почитанїе. Въ Владимиріадѣ Позвиздъ такимъ образомъ похваляется своею силой:

Я двигну облаки и воды возмущу,
Рѣками дождь и градъ на землю низпущу.
Мнѣ въ буряхъ къ свойственной свирѣпости прибѣгну;
Я грады низложу, дворъ Царскїй опровергну.

Догода.

Вотъ милое божество, противоположенное свирѣпому Позвизду! Младый, румяный, русокудрый, въ василько-

вомъ вѣнкѣ, съ голубыми по краямъ позолоченными крыльями бабочекъ, въ среброблестящей голубоватой одеждѣ, держащій въ рукѣ шипокъ, и улыбающійся на цвѣты, летя надъ оными и помавая имъ, есть Славянскій богъ пріятнаго весенняго времени; тихій, прохладной ветерокъ, *Догода.* Онъ имѣлъ свои храмы, и ему жертвовали цвѣтами, пѣснями и плясками.

Зимстерла *).

Подъ симъ именемъ предки наши почитали богиню весны и цвѣтовъ. Она имѣла свои божницы, и праздники ея

*) Зимцерла такъ же. Но справедливѣе Зимстерла, прогонительница зимы, занявшая мѣсто зимы, изгладившая зиму.

были въ мѣсяцѣ Цвѣтенѣ (Апрѣлѣ): потомучто въ южныхъ странахъ Россіи съ этаго мѣсяца начинается весна. Сія богиня хотя и скрывается иногда, но въ свое время появляется снова въ прежней своей молодости. Изображается она прекрасною дѣвицею, одѣтою въ легкое бѣлое Русское платьѣ, подпоясанною поясомъ розовымъ, переплетеннымъ золотомъ: на головѣ у нее изъ розъ вѣнокъ; въ рукахъ держа лилею, нюхаетъ. Грудь ея вся открыта; на шеѣ ожерельѣ изъ цикорей. Перевязь черезъ плечо цвѣточная. Ей приносимы были въ жертву цвѣты, кои собирая въ ковшницы, поставляли предъ ея кумиромъ, равно какъ и капище въ ея праздники убиралось и усыпалось цвѣтами. Въ богиню сію, равно какъ и въ дары ея, всегда влюбленъ Догода.

Зимерзла *).

Богиня суровая, дышущая холодомъ и морозами. Одежда на ней на подобіе шубы изъ сотканныхъ вмѣстѣ инеевъ. А какъ она царица зимы, то порфира на ней изъ снѣга, изтканная ей морозами, чадами ея. На головѣ ледяный вѣнецъ, унизанный градами. Богинѣ сей молились о умѣреніи ея жестокости.

*) Симаергла, Зимаерзла, Симаргла, Зимарзла, Зимерзла, слова означающія всѣ одно и тоже, т. е. зиму и мерзнуть.

Преизподніе

или

ПОДЗЕМНЫЕ БОГИ.

Чернобогъ.

Ужасное божество, начало всѣхъ злоключеній и пагубныхъ случаевъ, Чернобогъ изображается облеченнымъ въ броню. Имѣя лице исполненное ярости, онъ держалъ въ рукѣ копье готовое къ пораженію, или больше къ нанесенію всякихъ золъ. Сему страшному Духу приносились въ жертву сверхъ коней, не только плѣнные, но и нарочно ему предоставленные для сего люди. А какъ всѣ народныя бѣдствія приписывались ему; то въ таковыхъ случаяхъ молились и жертвовали ему для отвращенія зла. Сего

ужаснаго лжебога Г. Херасков такъ описываетъ:

Шумящь оружїемъ приходитъ Чернобогъ;
Сей лютый Духъ поля кровавыя оставилъ
Гдѣ варварствомъ себя и яростью прославилъ;
Гдѣ были въ снѣдь звѣрямъ разбросанны тѣла;
Между трофеями гдѣ смерть вѣнцы плела.
Ему коней своихъ на жертву приносили,
Когда Россїяне побѣдъ себѣ просили.

Сильный богъ, былъ богъ тѣлесной крѣпости, мужества; Ледъ, богъ войны, храбрости и военныхъ доблестей, богъ побѣдоносныя славы. Но сїе страшное божество услаждалось кровопролитїемъ и неистовствомъ. Тѣмъ воздвигала жертвенники благо-

дарность, какъ бы за низпосланные ими дары воинскіе, и молились имъ, прося дать силу для защиты себя и отгнанія враговъ: но сему ужасному Духу сооружалъ храмы Страхъ и Ужасъ. Его просили только объ отвращеніи зла, какъ онаго источникъ; но благости въ немъ не уповали найти, и не искали ея.

Изъ нѣкоторыхъ описаній видно, что храмъ его построенъ былъ изъ чернаго камня; истуканъ выкованъ изъ желѣза, предъ коимъ стоялъ жертвенникъ для сожженія ему жертвъ. Помостъ его храма, сказываютъ, былъ напоенъ кровію: что и вѣроятно, когда представляли его себѣ такимъ звѣрскимъ и кровопійственнымъ существомъ.

Н і й.

— — — зрю огненнаго Нія:
ВЪ немЪ ада Судію быть чаяла Россія.
ОнЪ пламенный держалЪ вЪ рукахЪ на
грѣшныхЪ бичь.

Владиміріада.

Вложенное вЪ человѣка самою природою умопредставленіе безсмертія души, и надежда жизни по смерти, которой щастливое или злополучное состояніе зависитЪ отЪ порочной или добродѣтельной настоящей жизни, подало средство всѣмЪ народамЪ кЪ вымышленію боговЪ мстящихЪ по смерти за беззаконія вЪ сей жизни учиненныя. Равно какЪ проведшимЪ здѣсь жизнь свою благочестиво, но гонимыхЪ лютымЪ рокомЪ безЪ жалости, и страждущихЪ невинно, награда уготовляемая имЪ

въ будущей жизни состояла въ особенныхъ народомъ любимѣйшихъ удовольствiяхъ. Цельтiйской рай богатырей или Валгалла услаждалъ рыцарской духъ угодниковъ своихъ воинскими играми или битвами, на коихъ убитые при наступленiи обѣденнаго времени опять пробуждались отъ смертнаго усыпленiя, и шли съ побѣдителями безъ всякой вражды за одинъ столъ, гдѣ угощали ихъ вкуснѣйшими изъ кабаньяго мяса приготовленными яствами, и подчивали до избытка пивомъ; по окончанiи же обѣда возвращались снова къ рыцарскимъ своимъ упражненiямъ. Но нечестивые всѣ были во власти Мидгара и Ферниса, или самое существованiе ихъ изчезало.

Славяне полагали (по примѣру многихъ другихъ народовъ) мѣсто казни для беззаконниковъ внутри земли.

Судьею и исполнителемъ казней определили имъ особеннаго неумолимаго и безжалостнаго бога Нїя,

> Имѣющаго свой внутри земли престолъ,
> И окруженнаго кипящимъ моремъ золъ.
>
> *Владимирїада.*

Сей судїя мертвыхъ почитался такъ же насылателемъ

> — — ночныхъ ужасныхъ привидѣнїй.
>
> *Владим.*

Изъ устныхъ преданїй, оставшихся намъ въ старинныхъ сказкахъ, видно, что истуканъ Чернобоговъ былъ выкованъ изъ желѣза. Престолъ его составлялъ краеугольный камень изъ чернаго гранита высѣченный. Въ знакъ своего владычїя, имѣлъ на головѣ зубчатый вѣнецъ, въ рукѣ свинцовой скипетръ и огневидный бичь.

Жертвовали ему не токмо кровїю животныхъ, но и человѣческою, особенно же во время какихъ либо общественныхъ злоключенїй.

Стрибогъ.

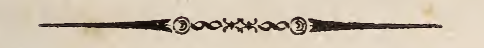
Божество наказывающее беззаконниковъ въ преисподней и бичь злодѣянїй въ семъ мїрѣ. Онъ такъ же истребитель всего видимаго, подобно Индѣйскому Сибѣ, или разрушителю, точно какъ богъ Животъ сохранитель сходствуетъ съ Индѣйскимъ божествомъ Вишну. Его мести предавались заслужившїе проклятїе.

Яга Баба.

Это очень злая, старая и мощная колдунья или волшебница; видъ у нее страшной. Она не столько въ адѣ живетъ, сколько на этомъ свѣтѣ. Домъ ея избушка на курьихъ ножкахъ, стоитъ и сама повертывается. Древніе наши богатыри всегда ея нахаживали лежащею на лавкѣ; носъ ея виситъ черезъ грядку (шестъ въ избѣ для вѣшанья укрѣпленной). Сія старая колдунья не пѣшкомъ ходитъ, но разъѣзжаетъ по бѣлу свѣту въ желѣзной *ступѣ* *) (т. е. колесницѣ самокат-

*) Ступа отъ ступать, какъ бы самоходъ: ступа же въ старину называлась можжалъ; пестъ же, кажется, произошелъ отъ слова пясть, т. е. кулакъ или тылесня, (откуда тылиснуть значитъ въ простонарѣчіи ударить кулакомъ) какъ бы пястное оружіе; точно какъ и палица получила свое начало отъ палъ, въ уменьшительномъ палецъ (отъ чего образовалось слово палить, т. е. тронуть пальцомъ или паломъ собачку).

ной): и когда она въ ней прогуливается, то понуждаетъ оную бѣжать скорѣе, ударяя желѣзною же палицой или пестомъ. А чтобъ для извѣстныхъ ей причинъ не видно было слѣдовъ ея, то заметаются они за нею особенными къ ступѣ придѣланными мёломъ и помеломъ.

Кикимора.

Богъ сна и ночныхъ привидѣній. Ихъ представляли себѣ множество; а по сему и можно ихъ почесть за служителей и пословъ Нїевыхъ. Произхожденїе имъ даютъ отъ рода человѣческаго: они живутъ такъ же и въ домахъ; простолюдины вѣрятъ, что

они по ночамъ въ потемкахъ прядутъ, и хотя ихъ самихъ и не льзя видѣть, но утверждаютъ, что слышно движенíе веретена. Въ самомъ же дѣлѣ, или кошка въ то время курнычитъ, или червяки точатъ дерево, либо ползаютъ тараканы. Впрочемъ сіи Духи не опасны: они ни кому не причиняютъ зла, хотя иногда и безпокоятъ, однакожъ не столько какъ Домовые, которыхъ простой народъ щитаетъ самыми безпокойными проказниками. Кикиморы, по мнѣнію тонкихъ въ сей матеріи знатоковъ, суть рода женскаго, и отъ сообщенія съ домовыми Духами продолжаютъ и свой и послѣднихъ родъ. Въ домахъ живутъ они будучи туда посланы на урочное время: но отечество ихъ преизподняя.

Водные боги.

Царь морской.

Владычество надъ морями препоручили идолопоклонствующїе Славяне особенному божеству, назвавъ его Царемъ морскимъ. Будучи столько же древенъ какъ и самое море, имѣетъ вѣнецъ изъ морскаго папоротника; разъѣзжаетъ по морямъ въ раковинѣ везомой морскими псами: въ одной у него рукѣ весло, знакъ укрощенїя волнъ, въ другой же острога, знакъ ихъ возбужденїя. Обиталище его во глубинѣ океяна, гдѣ чертоги и престолъ такъ изображены Г. Ломоноссовымъ:

Въ недосязаемой отъ смертныхъ сторонѣ,
Между высокими, кремнистыми горами,
Что мы по зрѣнїю обыкли звать мѣлями,

Покрытый золотымъ пескомъ про-
сте́рся долъ:
Столпы во кругъ его огромные кри-
сталлы,
По коимъ обвились прекрасные ко-
раллы.
Главы ихъ сложены изъ раковинъ ви-
тыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ
тучь густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая
буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ
бугры;
Уборы внутренни покровъ черепокож-
ныхъ
Безчисленныхъ звѣрей во глубинѣ воз-
можныхъ.
Тамъ тронъ жемчугами усыпанный
янтарь,
На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ
подобный Царь.

ВЪ заливы, вЪ океянЪ десницу простираетЪ,
СафирнымЪ скипетромЪ водамЪ повелѣваетЪ.
Одежда царская, порфира и виссонЪ,
Что сильныя моря несутЪ ему предЪ тронЪ.

Петрїяда.

Его особенно чтили приморскїе Славяне, Варяги, т. е. морскїе наѣздники, умоляя о щастливомЪ по волнамЪ плаванїи.

Чудо Морское.

Служитель и вѣстникъ Царя морскаго. Оный кажется быть совершенно подобенъ Тритону Грековъ.

Полудухи.

Сіе общее названіе даю я такимъ мечтаемымъ существамъ, коихъ воображали себѣ ни совсѣмъ безтѣлесными, ни тѣлесными, и кои какъ бы въ своихъ стихіяхъ обитали, иные же въ лѣсахъ, въ рѣкахъ, въ омутахъ и проч. Они суть:

ЛѢШІЕ, обитатели и хранители лѣсовъ. Сіи особливаго свойства. Когда идутъ по лѣсу, то равны съ лѣсомъ; когда же по травѣ, равны съ травою: а иногда являются они людямъ въ образѣ человѣческомъ.

ВОДЯНЫЕ ДУХИ, или Дѣдушки живутъ въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, гдѣ имѣютъ великолѣпные домы. Они уносятъ купающихся по тѣмъ мѣстамъ людей, особливо же мальчиковъ, коихъ и пріучаютъ жить у себя въ домахъ; а сіи въ послѣдствіи времени заступаютъ сами мѣсто сихъ Дѣдушекъ. Равно какъ и Лѣшіе уносятъ молодыхъ дѣтей, и воспитавъ ихъ въ своихъ лѣсныхъ обителяхъ, дѣлаютъ по себѣ преемниками.

ДОМОВЫЕ, кои живутъ въ домахъ и дворахъ. Ежели въ которомъ дому Домовой полюбитъ хозяина, то кормитъ и холитъ его лошадей, о всемъ печется, и у самого хозяина бороду плететъ въ косы. Чей же домъ не полюбитъ, тамъ раззоряетъ хозяина въ корень, переводя у него скотъ, безпокоя его по ночамъ, и ломая все въ домѣ.

РУСАЛКИ, полудухи женскаго рода. Живутъ они обыкновенно въ рѣчкахъ, изъ которыхъ часто выходятъ въ красную погоду на берегъ, гдѣ сидя, чешутъ свои зеленые волосы гребнемъ; но лишь запримѣтюютъ кого либо идущаго, тотчасъ бросаются на дно ручьевъ.

Богатыри.

Они почитаемы были не какъ боги, но какъ люди, одаренные предъ прочими вышшими дарами неба, или какъ у Грековъ ихъ полубоги. Таковые были:

ВОЛОТЫ.

Исполины непомѣрной величины и силы. Изъ сказокъ древнихъ видно,

что сверхъ силы, имѣли они еще даръ неуязвимости. Впрочемъ замѣтить должно, что древнїе Славяне подъ именемъ Волотовъ разумѣли Римлянъ. Слава силы и могущества Римскаго народа, представила ихъ воображенїю оныхъ великанами; а потому и надѣлали себѣ изъ Римлянъ особенныхъ великорослыхъ непобѣдимыхъ существъ.

ПОЛКАНЪ.

Такъ же богатырь, но только чуднаго тѣлосложенїя. Онъ до половины былъ мужъ; а отъ пояса до низа конь. Бѣгалъ крайне быстро; облеченъ былъ въ латы; сражался стрѣлами. Кажется что многїе были Полканы.

СЛАВЯНЪ.

Князь Славянъ, братъ Вандала, почитался полубогомъ. Ему приписыва-

ли силу, мужество и храбость чрезмѣрныя. Онъ по прибытіи съ своимъ родомъ и Славянами построилъ на рѣкѣ Волховѣ городъ Славянскъ; по раззореніи коего Варягами, чрезъ нѣсколько времени снова былъ сооруженъ, но уже подъ именемъ *Дѣтинца* *); по разрушеніи же Дѣтинца, воздвигнутъ былъ на его мѣсто *Новъ-городъ*.

ВОЛХВЪ съ братьями.

Волхвъ съ братьями Волховцемъ и Рудотокомъ были дѣти Славена, всѣ

*) Такъ названнаго отъ дѣтины или мальчика: заложивши Славяне городъ, пишетъ нѣкоторый Новогородскій Лѣтописецъ, не могли согласиться между собою, какое дать ему имя; почему и положено было на вѣчѣ назвать городъ по имени того, кто первый идучи по опредѣленной дорогѣ попадется. И такъ, принесши жертву и обѣты богамъ, посланные отправились въ путь, и возвратясь на другой день къ собранному градоначальству, представили ему мальчика (древ. дѣтинецъ), котораго они прежде всего встрѣтили: почему и дали городу названіе Дѣтинца.

трое богатыри. Но Волхвъ былъ великой волшебникъ. Онъ не только разъѣзжалъ по рѣкѣ Волхову, такъ по имени его названной, а до того именовавшейся рѣкою Мутною, и по Рускому морю, но даже плавалъ для добычь и въ Варяжское морѣ. Когда же онъ былъ въ Славянскѣ, то при приближенiи непрiятелей, оборачиваясь въ великаго змѣя, ложился отъ берега до берега поперегъ рѣки, и тогда не только ни кто не могъ проѣхать по оной, но даже и спастись не было возможности.

Озера: Ильмеръ и Студенецъ — Рѣки: Бугъ и Донъ

были обожаемы на ровнѣ съ прочими божествами. Имъ посвящены были огромнѣйшіе по берегамъ черные лѣса, куда подъ смертною казнію не только не отваживался заходить стрѣлокъ или птицеловъ для своихъ промысловъ, а рыбакъ отнюдь не дерзалъ ловить рыбу, но и самую воду не иначе дозволялось изъ нихъ черпать береговымъ жителямъ, какъ чтобъ то были чисто убранныя въ цвѣтныя одежды молодыя дѣвы, которыя брали воду съ благоговѣніемъ и глубокимъ молчаніемъ. Сіи красныя молодицы вѣрили что священные лѣса преисполнены нескромными Духами, которые всякое громкое слово, какъ знакъ неуваженія къ божеству, переносили блюстите-

лямъ языческой религіи, а кроткіе вздохи любви нашептывали въ уши любовниковъ ихъ. Въ жертву имъ приносился предпочтительно тучный волъ по цвѣту водъ, когда онѣ ужаснымъ ревомъ волнъ своихъ и завываніемъ свирѣпыхъ вѣтровъ наводили ужасъ на людей, предрѣкавшихъ себѣ изъ того пагубу. Храмовъ въ честь обоженныхъ рѣкъ и озеръ древніе Славяне не строили; но священнодѣйствія отправлялись обыкновенно на берегу. Великолѣпнѣйшія торжествованія производились весною, когда воды, разрушивъ зимнія свои оковы, являлись изумленнымъ обожателямъ своимъ въ полномъ величіи. Народъ падалъ ницъ. Моленія начинались. Погружали людей въ воду съ великими обрядами; энтузіасты же религіи въ жару усердія своего добровольно топились въ священной рѣкѣ или озерѣ изъ

благоговѣнія. Отрывки уцѣлевшіе до насъ изъ старинныхъ рукописей и простонародныхъ пѣсенъ въ честь водныхъ божествъ, подтверждаютъ сказанное мною здѣсь, а Ломоноссовъ думаетъ, что Славяне и самое названіе *Бога* произвели отъ священной рѣки *Буга*.

КОНЕЦЪ.

Храмъ Свѣтовида.

Мерцана еще покоилась въ объятіяхъ Царя водъ; Часы стерегли входъ и выходъ изъ Солнцева дому, и присноюный Свѣтовидъ на златомъ ложѣ покоился въ объятіяхъ Триглы, какъ Рурикъ съ Олегомъ восходятъ на освященной холмъ, гдѣ восносится храмъ Свѣтовида. Храмъ величественный и достойный бога, славимаго въ немъ! Первосвященникъ Свѣтовидовъ, Боговѣдъ, сопутствуемый жрецами, грядетъ ему во срѣтеніе. Рурикъ приступаетъ ко вратамъ храма; но удивляется, видя ихъ затворенными. „Они не могутъ бытъ отверсты, говоритъ Боговѣдъ, доколѣ первые лучи солнца не ударятъ въ лице бога; и тогда гласъ трубный возвѣститъ присутствіе его. Когда же послѣдній лучь сойдетъ съ лица Свѣ-

товидова, гласъ заунывнаго рога и глухаго бубна возвѣщаютъ о сокрытіи отъ насъ благотворнаго свѣтила. День мрачный въ нашихъ законахъ равенъ нощи." — Ночь была свѣтлая и подобная зимнему дню, когда солнце слабыми лучами сквозь иней сіяетъ.

Князь, въ ожиданіи первыхъ на *обзорѣ* *) лучей, пошелъ вокругъ храма, желая осмотрѣть его. Съ долу онъ казался ему не великъ; но Рурикъ удивился, нашедши его огромнымъ. Онъ былъ окружностію въ 1460 шаговъ. Двенадцать огромныхъ яшмовыхъ столповъ Коринѳскаго чина поддерживали навѣсъ его кровли; оглавія ихъ были изъ позлащенной мѣди. Триста шестьдесятъ оконъ и двенадцать вратъ его заключались мѣдными затворами. При каждыхъ дверяхъ

*) Изъ смысла видно, что чрезъ сіе слово древніе разумѣли горизонтъ.

стояли два жреца съ трубами. На мѣдныхъ вратахъ изображались двенадцать знаменитыхъ добраго бога подвиговъ: какъ для пользы нагихъ людей онъ произвелъ овна, которой въ то же мгновенїе устремился къ нимъ, да предложитъ имъ свою волну; какъ, усмиривъ вола неукротимаго и давъ имъ во служенїе, изобрѣлъ для нихъ плугъ и всѣ земледѣльческїя орудїя; какъ сражается и побѣждаетъ Чернаго бога, похитившаго чадъ его, близнецовъ Дажбога и Зимцерлу. Тамо видно Морское Чудо, чадо *Чернобога*, какъ оно, обратившись въ великаго рака, хочетъ похитить Солнце; но опаленное жгущими его лучами, упадаетъ — и сильнымъ ударомъ своего хребта *разбрызгиваетъ* какъ каплю текущїй Волховъ, и здѣлавъ въ землѣ отверстїе, производитъ море Русское. Здѣсь ужасный левъ, съ мѣднымъ

хвостомъ и алмазными зубами, похищаетъ у Велеса скотъ, и сего бога приводитъ въ трепетъ; но Свѣтовидъ разитъ его единымъ ударомъ златаго *самосѣка*, беретъ хвостъ его (изъ коего родились полозы) и зубы, и помѣщаетъ на небѣ, гдѣ донынѣ видимъ ихъ и называемъ львомъ. Тутъ изображена любовь его съ прекрасною Триглавою, и терзанїе Чернобога, влюбленнаго въ нее. Свѣтовидъ, играя на гусляхъ, поетъ ей нѣжные стихи; она его вѣнчаетъ васильковымъ вѣнкомъ, а вокругъ ихъ пляшутъ Зимцерла, Лада, Сѣва и Мерцана. Румянощекая Дидилїя, съ распущенными златистыми волосами, въ алой легкой ризѣ, подноситъ имъ въ алмазной чашѣ златый небесный медъ, питїе боговъ. Леля, сидя подлѣ гуслей, слушаетъ и лукаво улыбается. Дидо, взвившись на воздухъ, пускаетъ тяжелыя стрѣ-

лы въ Чернобога. Бѣлъ-богъ, носяся надъ ними на облакѣ, пріятно усмѣхается. Тамъ Перунъ держитъ великіе вѣсы, ниспущенные имъ съ неба для рѣшенія жестокой распри между Бѣлбогомъ и чадами его, и между Чернобогомъ и чадами его, когда начиналась между ими жестокая брань, долженствовавшая разрушить міръ; когда Ній въ неистовствѣ потрясалъ землею, извергая изъ нее пламя, — Чудо Морское колебало брегами, и Яга, дщерь Чернобога, вооруженная желѣзною палицею, разъѣзжала на крылатой своей колесницѣ, и сбивала съ мѣстъ горы. Но великій Перунъ желалъ примирить ихъ и послалъ едину изъ служащихъ ему Молній, да возвѣститъ волю его. Тогда родъ Бѣл-бога возсѣлъ въ единую чашу вѣсовъ, а родъ Чернобога въ другую. Перунъ поднялъ вѣсы, и чаша съ Чернобогомъ возне-

слась выше темныхъ облаковъ; но чаша съ чадами Бѣлбога осталась на земли. — Въ другомъ мѣстѣ видно было, какъ Свѣтовидъ поразилъ великаго Скорпіона, когда сей похитилъ его дщерь Зимцерлу, оплакиваемую Дажбогомъ. Ній, зря его, отъ страха сокрылся, и Свѣтовидъ возвратилъ Дажбогу его сестру и супругу. Но злобный Ній, отмщая ему за сіе, низпустилъ на землю ночь, лютые мразы, снѣги, мятелицы. . . Свѣтовидъ, поразивъ всѣхъ ихъ златыми стрѣлами, прогналъ назадъ въ область Нія. Ній, пылая еще противъ него гнѣвомъ, послалъ домоваго духа, да умертвитъ любимыхъ его коней; но Свѣтовидъ создалъ сребророгатаго и волносребристаго смѣлаго козла, и пустилъ для истребленія сего духа. — На десятыхъ дверяхъ изображенъ богъ свѣтаіющій съ горъ, изъ златыхъ водоно-

совъ, обильную воду, отъ которой пріемлютъ начало рѣки: Волга, Днѣпръ, Двина, Донъ и славное озеро Ильмень. Онъ населяетъ ихъ рыбами, пуская каждаго рода по двойцѣ. Завидуя сему, Морской Царь послалъ кита пожрать ихъ; но Стриба поразилъ его тогда же изобрѣтенною острогою, и вынувъ, положилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ храмъ Свѣтовидовъ; холмъ составился изъ китова праха. — Таковы были изображенія на дверяхъ. Храмъ сооруженъ былъ изъ свѣтлосѣраго дикаго камня. Свѣсы отъ стѣны до столповъ измѣрялись двумя большими шагами, имѣя шесть ступеней восходу. Кровля, полушаромъ, состояла изъ вызолоченной мѣди. Посреди ея стоялъ мѣдный позолоченный истуканъ Свѣтовида; по краямъ, на четыре стороны, поставлены были четыре истукана,

изсѣченные изъ бѣлаго мрамора. На востокъ истуканъ Мерцаны, богини, властвующей надъ началомъ дня и предшествующей всегда Солнцу, дочери Дажбога и Зимцерлы, богини весны, супруги Царя Морскаго; ея должность была отверзать Свѣтовиду врата небеснаго дому его, когда онъ показывался въ мірѣ. Свѣтовидъ для отличія даровалъ ей вѣнецъ изъ единыя звѣзды; и риза ея златобагряна. Радость всегда блистала на румяныхъ ея ланитахъ, и она въ пирахъ подносила богамъ небесный медъ. Мерцана, равно какъ и Свѣтовидъ, присноюна. На югъ поставленъ былъ истуканъ Купалы, сына Мерцаны и Сѣвы. Онъ имѣлъ видъ молодаго человѣка, въ короткой и легкой одеждѣ. Огнь плодотворенія пылалъ въ его очахъ; чему только касался, все рождало: не только звѣри, скоты, рыбы

и гады, но даже дерева и травы. Онъ имѣлъ обиталище на югѣ. Жертвовали ему возженiемъ только прутьевъ, съ пѣснями и плясками: чѣмъ изображались огнь плодотворный и веселость. Въ ногахъ у него кроликъ; въ рукѣ пламенѣющiй огонь; на головѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, именуемыхъ по его имени *кулальницами.* Догода, братъ его, есть изъ всѣхъ боговъ любезнѣйшiй, кротчайшiй и прекраснѣйшiй. У него развѣваются по плечамъ волосы: вѣнокъ изъ шиповъ; за плечами голубыя крылья, и риза на немъ тонкая голубая. Улыбка всегда на румяномъ его лицѣ. Онъ столь всѣми любимъ, что смѣло цѣлуетъ самую Ладу; въ рукахъ у него опахало. Свирѣпаго Позвизда истуканъ стоялъ на сѣверѣ. Лице его въ морщинахъ и сердито. Голова окутана лоскутомъ кожи бѣлаго медвѣдя; борода замерзлая;

одежда изъ оленьей кожи; ноги обуты въ кожу гагачью. Въ рукахъ держалъ онъ мѣхъ, въ готовности развязать его для изліянія морозовъ, бурь, снѣговъ, градовъ, дождей и непогодъ. Онъ считался богомъ всѣхъ вѣтровъ. Повѣствуютъ, что жилище его есть на краю сѣверномъ, на горахъ Скандинавскихъ, гдѣ онъ имѣетъ свой престолъ, и гдѣ у него множество дѣтей, подобно ему жестокихъ. Сей богъ, будучи сынъ Сильнобога, увеселяется воздымая бури, потопляя корабли, ломая деревья, посылая всюду мразы и непогоды. Онъ требуетъ почасту себѣ въ жертву людей. — Таковы были четыре истукана, стоявшіе на кровлѣ храма. На холмѣ же разставлено было соразмѣрнымъ образомъ до трехъ сотъ пятидесяти треугольныхъ жертвенниковъ.

Между тѣмъ какъ Рурикъ раз-

сматривалъ и вопрошалъ Боговѣда о значеніи видѣннаго имъ, раздался гласъ трубъ отъ двенадцати вратъ, и врата отверзлися. . .

Великій первосвященникъ Боговѣдъ вступилъ во врата западныя, одному ему предназначенныя для входа. — Рурикъ съ Олегомъ входятъ въ храмъ чрезъ врата восточныя, и божественный страхъ объемлетъ ихъ душу: они зрятъ лице Свѣтовида сіяющее яко мѣдь въ горнилѣ. Великій первосвященникъ — по обыкновенію одѣтый въ четыре тонкіе хитона, одинъ другаго длиннѣе: въ багряный, зеленый, желтый и бѣлый; въ опоясаніи, на коемъ искусно вышиты двенадцать подвиговъ Свѣтовида; въ злато мъ вѣнцѣ, украшенномъ семью драгоцѣнными камнями — держалъ въ рукѣ злату ю чашу, исполненную чистѣйшаго виннаго духа. Двенадцать окружаю-

щихъ его жрецовъ держали великую сребряную лахань, у коей были три разныя ноги: одна на подобіе орла, другая вола, и третія кита. Прочіе жрецы составляли семь поющихъ ликовъ и двенадцать ликовъ въ трубы и роги трубящихъ и біющихъ въ бубны, и четыре лика на струнахъ и гусляхъ играющіе. Тогда великій первосвященникъ, подшедъ къ престолу, сталъ на колѣна, и вознесши златую чашу, читалъ молитвы; послѣ прикоснулся чашею къ рогу, находящемуся въ рукѣ Свѣтовида: духъ винный воспылалъ, и потряслися своды отъ гласа трубъ и роговъ, отъ звука бубновъ, отъ звона струнъ, гуслей и орудій, и отъ гласовъ пѣвцовъ, восклицавшихъ: *слава!* Между тѣмъ Боговѣдъ поднесъ пылающую чашу Князю, который, принявъ ее, излилъ въ сребряную лахань — и взвилося предъ бо-

гомъ лазуревое пламя жертвы благоугодной. И тогда семь ликовъ, ходя кругомъ единъ по единому, предводимые первымъ пѣснотворцемъ, тако воспѣли:

Первый ликъ и оборотъ.

Ясенъ мѣсяцъ во полуночи,
Звѣзды ярко блестятъ нощїю;
Мѣсяцъ сребритъ воды темныя,
Звѣзды златятъ небо синее;
Только *грѣетъ* одно солнце ясное.

Вторый ликъ и оборотъ.

Грѣетъ оно и питаетъ насъ;
Позвиздъ его устрашается;
Взглянетъ — Зимерзла бѣжитъ отъ глазъ, —
И Зимцерла къ намъ спускается.
Какъ благодѣтельно для насъ оно!

Третїй ликъ и оборотъ.

При востокѣ его видѣть радостно:
Когда ка обзорѣ появляется,

Дверь златая тогда отверзается
Велелѣпныхъ чертоговъ его.
Онъ изъ терема идетъ высокаго,
Изъ высокаго, изъ небеснаго,
Какъ могучїй витязь съ побѣдою.
Свѣтовидъ! мы тебѣ покланяемся!

Четвертый ликъ и оборотъ.

Какъ здѣсь вся тварь весела,
Встрѣтивъ отца и царя!
Главы подъемлютъ древа;
Освѣжились цвѣтокъ и трава;
Птички порхаютъ, поютъ,
Славу и честь воздаютъ,
Имя твое возносѧ.

Пятый ликъ и оборотъ.

Отъ радости трепещутъ
Поля стеклистыхъ водъ;
Льды свѣтлы искры мещутъ,
Узря его приходъ. . . .
Ему лѣсъ покланяется,
Сыръ боръ къ землѣ преклоняется;

Листьевъ вѣтръ не шевелитъ,
И дуброва не шумитъ;
Рѣкъ пороги лишь гласятъ:
„Великъ, великъ Свѣтовидъ!“

Шестой ликъ и оборотъ.

Боги велики; но страшенъ Перунъ!
Ужасъ наводитъ тяжела стопа,
Какъ онъ, въ предшествіи страшной грозы,
Мракомъ одѣянъ, вихрьми повитъ,
Грозныя тучи ведетъ за собою;
Ступитъ на облакъ — огнь изъ-подъ стопъ;
Ризой махнетъ — побагровѣетъ твердь;
Взглянетъ на землю — трепещетъ земля;
Взглянетъ на море — пѣной кипитъ;
Клонятся горы былинкой предъ нимъ.
Страшный свой гнѣвъ ты отъ насъ отврати! . .
Бросивъ горсть града во тысящу мѣръ,
Только ступилъ, ужъ за тысящу верстъ;
Лишь отъ пяты его облакъ зардѣлъ,

Сильна стопа гулъ глухой издала
(Онъ землю и море потрясъ!)
И се послѣдня сверкнула пола! . . .
Тихїй, любезный Свѣтовидъ! возвра-
тися,
Насъ безпомощныхъ и сирыхъ утѣшь!...
Мило, какъ онъ осклабляется намъ,
Шествуя въ бѣдствахъ утѣшить лю-
дей.

Седьмой ликъ и оборотъ.

Почитаемы небожители
За ихъ доблести и могущество;
Но всѣхъ доблестей превосходнѣе
Добродѣтель съ милостью, съ крото-
стью;
Въ милосердїи всемогущество,
Всемогущество Свѣтовидово.
Царю звѣздъ, тебѣ покланяемся,
Предъ тобою мы повергаемся! —

Хоръ.

Только грѣетъ одно солнце ясное.
Какъ благодѣтельно къ намъ оно! —

Свѣтовидъ! мы тебѣ покланяемся,
Имя твое вознося.
Коль великъ, великъ Свѣтовидъ,
Шествуя въ бѣдствахъ утѣшить людей!
Царю звѣздъ, тебѣ покланяемся,
Предъ тобою мы повергаемся!

Посемъ двенадцать ликовъ, играющихъ на трубахъ, рогахъ и бубнахъ, окружили внутренность храма, воспѣвая въ честь Свѣтовида торжественныя пѣсни.

Скончалось громкое трубоглашенiе, и вошли четыре младыя дѣвы; у каждой въ рукахъ по кошницѣ. Одна была въ багряномъ платьѣ, имѣя чрезъ плечо голубое препоясанiе; голова убрана столиственными шипками. Другая въ зеленомъ, имѣя перевязь красную, на головѣ вѣнокъ изъ миртовъ; третiя въ златоцвѣтномъ,

имѣя вѣнокъ изъ класовъ и багровую перевязь; четвертая въ бѣломъ платьѣ, въ сребряномъ увяслѣ (діадимѣ), перевязь золотая. Первая, ставъ на колѣна, и вынувъ изъ кошницы цвѣты, разсыпала ихъ предъ Свѣтовидомъ; другая предложила разные плоды; третія класы и виноградъ; четвертая златый вѣнецъ. Вскорѣ струнное играніе и пѣніе началося, и каждый ликъ сперва игралъ особенно, и каждая дѣва особенно предъ Свѣтовидомъ плясала; потомъ всѣ четыре лика соединясь играли пѣсни, и четыре дѣвы плясали.

Лице Свѣтовида становилося свѣтлѣе; по окончаніи пляски истуканъ поколебался. Первосвященникъ, двенадцать жрецовъ, ликовствующіе, пѣвцы, игратели, трубогласители, предстоящіе пророки и творцы пали на землю; и тогда рекъ Свѣтовидъ:

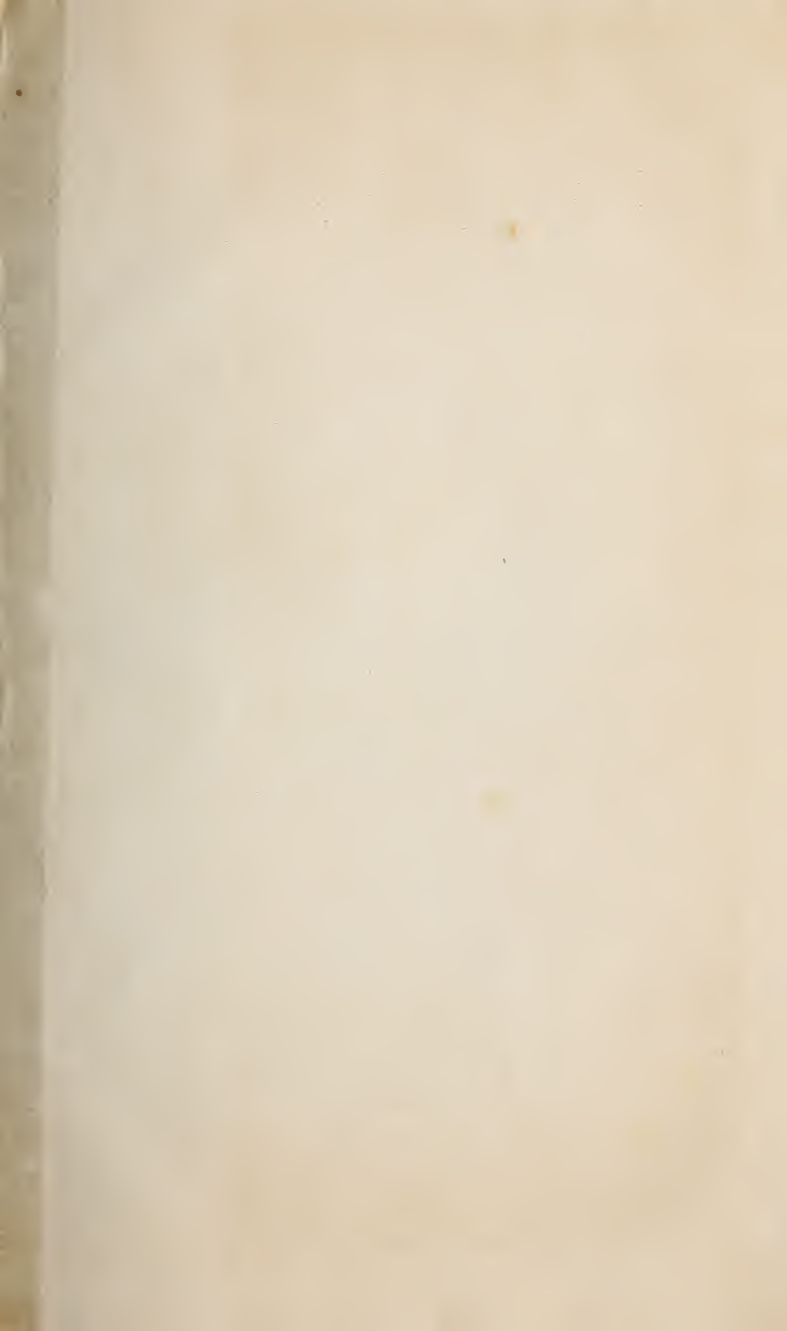
Имя твое есть отъ запада и до востока,
И отъ предѣлъ моихъ къ сѣверу твой есть предѣлъ;
Слава твоя да наполнитъ вселенную;
Яко песокъ на брегу, тако племя твое;
Тысящью лѣтъ изочту я твой вѣкъ;
И да поклонится всякій тебѣ человѣкъ!

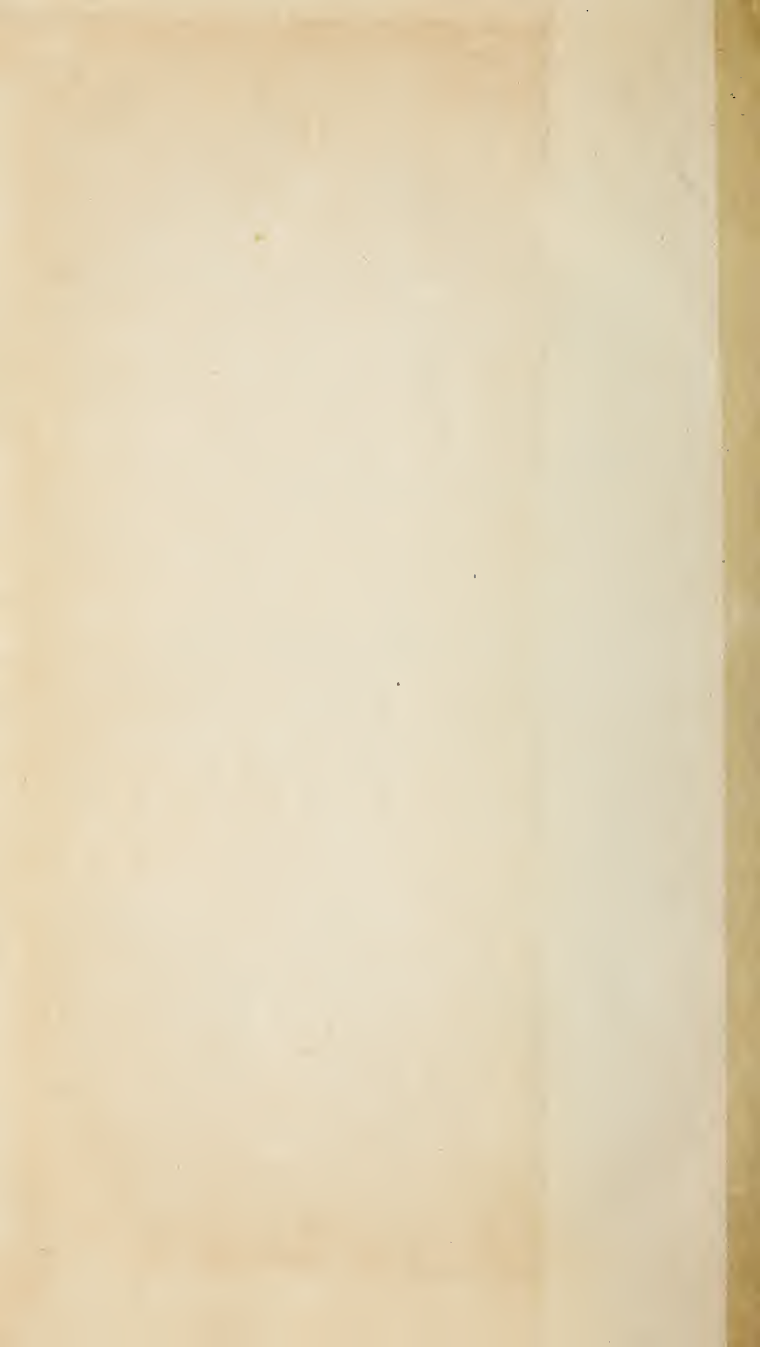
Пѣснотворцы собрали глаголы сіи, написали на златой дскѣ и вручили Рурику; онъ, прочитавъ ихъ, отдалъ для истолкованія пророкамъ.

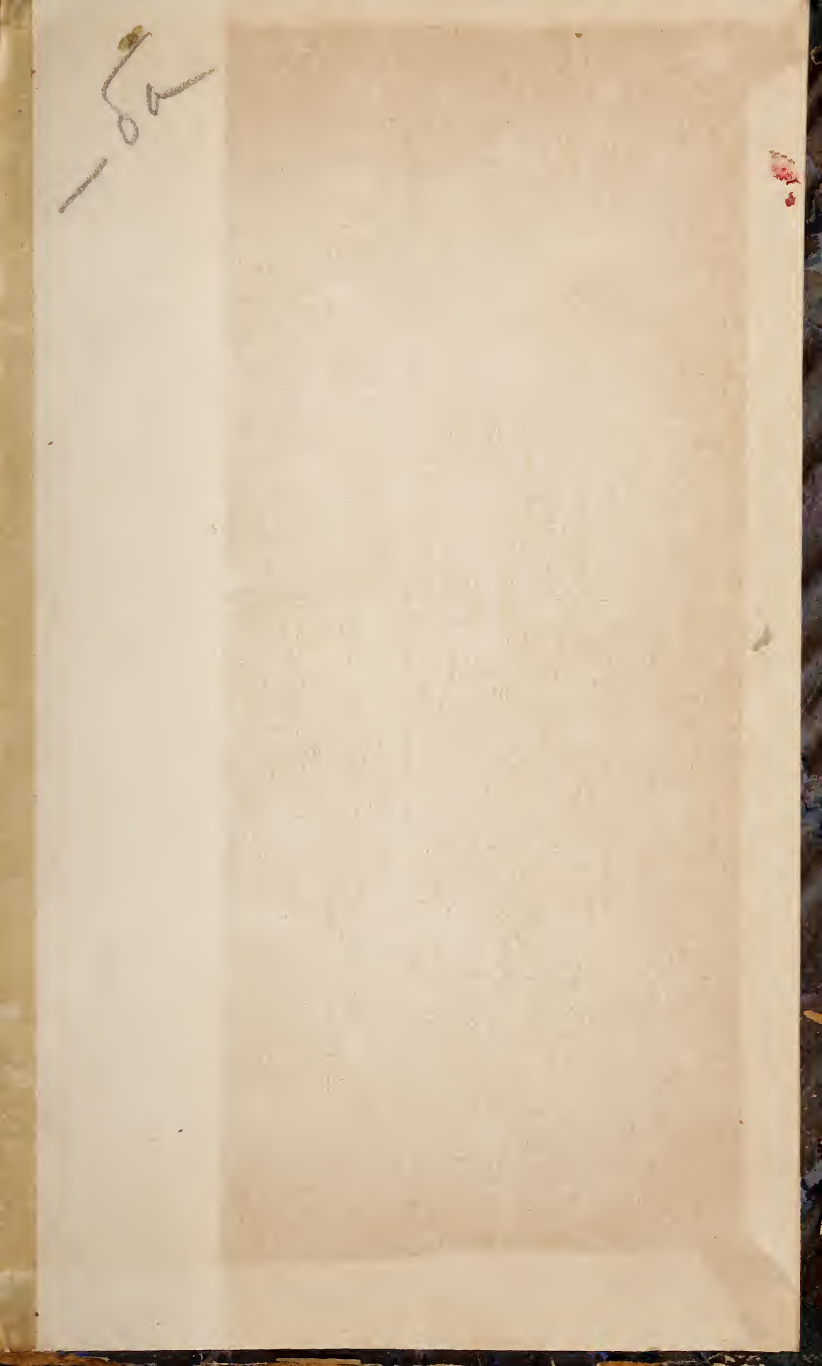
Тогда лице Свѣтовида утратило сіяніе, и лики возгласили отшествіе его на трубахъ, рогахъ и бубнахъ. Щедрый и набожный Рурикъ велѣлъ на всѣхъ жертвенникахъ принести Свѣтовиду по бѣлому волу, и жертвенныя мяса раздѣлить войску и народу. — Олегъ шествовалъ исполнить

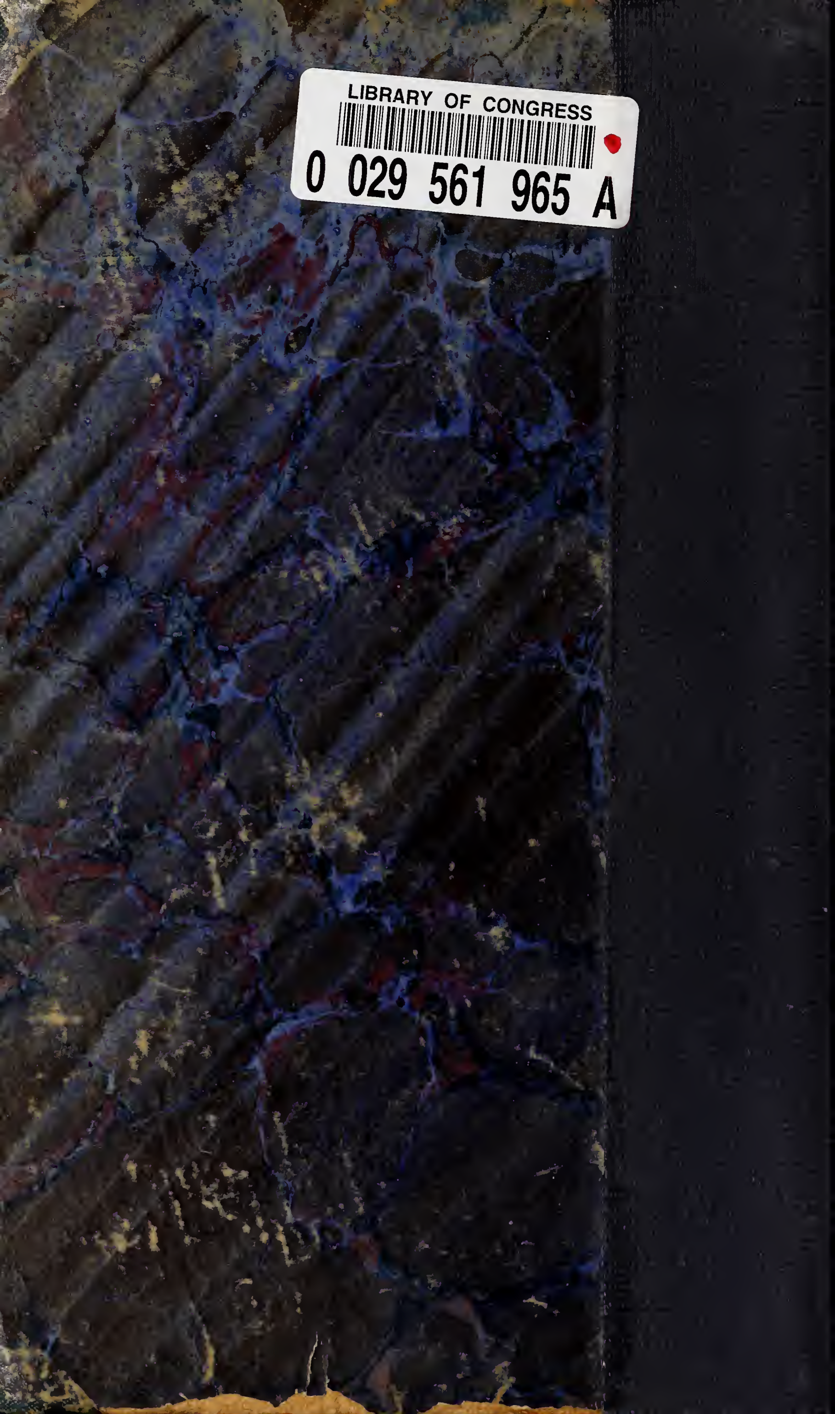
сїе; великїй же Князь съ Боговѣдомъ пошелъ въ чертогъ свой, для собесѣдованїя съ первосвященникомъ о всемъ видѣнномъ, и для свѣдѣнїя отъ него сущности вѣры Славянъ.

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 029 561 965 A